

Николай Захарчев

Материалы
по истории села
Русский Юрткуль
Ульяновской
области

Николай Захарчев

**Материалы по истории
села Русский Юрткуль
Ульяновской области**

УДК 947

ББК 63.3 (2Рос-4Уль)

Авторский знак 3-38

Николай Александрович Захарчев. Материалы по истории села Русский Юрткуль Ульяновской области. – Ульяновск: «Зебра», 2022.

История Михайло-Архангельского храма, архивные материалы по истории села Русский Юрткуль, воспоминание о селе заслуженного профессора Н.Ф.Высоцкого, история оврага Раткуль — новые страницы истории села Русский Юрткуль Ульяновской области.

Автор выражает благодарность Анвару Рашитовичу Гафурову и Наталье Валерьевне Гафуровой за помощь и поддержку при сборе материала и издании книги.

© Захарчев Николай Александрович, 2022

Оглавление:

Полная история Михайло-Архангельской церкви села Русский Юрткуль.....	4
Документы по истории села	13
Раткуль. Место на карте	15
Профессор Н.Ф. Высоцкий	22
Воспоминание заслуженного профессора Н.Ф.Высоцкого о холере 1866 года в Русских Юрткулях	26

Полная история Михайло-Архангельской церкви села Русский Юрткуль

Церковь в истории любого села занимала особое место. Это не просто культовое сооружение где исполняются религиозные традиции. Когда то церковь церковь занимала центральное место в общественной жизни сельской общины — рождение, венчание, отпевание — всё проходило через церковь. Именно поэтому история церковного притча является важной страницей истории села.

В селе Русский Юрткуль центральной архитектурной доминантой вот уже несколько веков является Михайло-Архангельский храм. История этого села, в том числе и сельской церкви, до сих пор полностью не изучена и полна вопросов и загадок.

Михайло-Архангельский храм на фоне Церковного озера. Фото Н.Захарчева.

В книге «Исторические храмы Симбирско-Ульяновского края. Том 1. Недействующие исторические храмы»¹ в описании Юрткульского храма, авторы утверждают, что село было основано мордовскими переселенцами, которых в 1698-1699

¹ «Исторические храмы Симбирско-Ульяновского края. Том 1. Недействующие исторические храмы». Губайдуллов Р.З., Шаповалов С.Н., Ульяновск. Корпорация технологий продвижения. 2011.

Российском Государственном архиве древних актов² хранится документ - «Перечневые выписки их сказок 1720 г. и табель итогов переписи церковнослужителей, дворовых людей и помещичьих крестьян Нагайской, Арской, Галицкой, Алатской и Зюрейской дорог Казанского уезда» в котором подшиты, в числе прочих, материалы первой ревизии 1701 года «деревни Юрткуль татары», «деревни Долгова Озера татары ж» и ревизии 1719 года «села Архангельского Юркуль тож», а так же отдельная ревизия этого же села крестьян Никиты Микулина.

Кроме этого в Национальном архиве Республики Татарстан сохранилась метрическая книга «Казанской епархии Болгарского заказу села Архангельского Ерткули тож церкви Архистратига Божия Михаила...». 14 страниц исписанных скорописью попом Степаном Федоровым. Документ датируется 1739 годом. Это один из старейших документов села Русский Юрткуль сохранившихся до наших времен, так же доказывающих, что уже в начале XVIII века, в Петровские времена, в селе была церковь с престолом во имя Архистратига Божия Михаила.

Документ еще интересен тем, что в нем упоминаются первые юрткульские землевладельцы: князь Иван Яковлевич Лобанов-Ростовский, поручик Дмитрий Иванович Чистов, генерал Семен Андреевич Салтыков, вдова Феврония Афанасьевна Пустошкина, дворянин Акинфий Никитич Демидов, лейтенант морского флота Иван Петрович Лодыженский, иноземец Степан Никитич Седлецкий, а так же «Владимирский Успенский девичий монастырь и Спаса Ефимова монастырь, что в Суздале».

Есть здесь и имена старейших юрткульцев — крестьян Степана Степановича, 1649 года рождения; Ивана Васильевича, 1650 года рождения; Андрея Степановича, 1659 года рождения; Бориса Мартемьяновича, 1661 года рождения.

И еще один документ, доказывающий, что церковь в Юрткулях была построена до 1776 года, мне удалось обнаружить так же в в Национальном архиве Республики Татарстан. Это «исповедальная ведомость Болгарского заказа

²РГАДА. ф. 350.Перечневые выписки их сказок 1720 г. и табель итогов переписи церковнослужителей, дворовых людей и помещичьих крестьян Нагайской, Арской, Галицкой, Алатской и Зюрейской дорог Казанского уезда

1770 года» в которой переписаны крестьяне «села Архангельское Юркули тож». В списке перечислены все однодворцы (военные и разночинцы), экономические крестьяне, а так же крепостные помещиков Ивана Михайловича Кольцова-Масальского, Прокофия Акинфиевича Демидова, Дмитрия Львовича Молостова, Якова Андреяновича Жедринского, Ипата Федоровича Полянского, Екатерины Салтыковой, Матвея Андреевича Нармацкого, Андрея Лукьяновича Толмачева, Федора Андреевича Стрелкова, Ивана Никитича Ружевского, Бориса Петровича Пазухина и других.

Получается, что в 1719 году в селе Русский Юрткуль уже была церковь с престолом во имя Архистратига Божия Михаила и село в церковных документах уже в те, Петровские, годы именовалось — Архангельское.

А в 1776 году, в селе была построена и освящена во имя Архистратига Божия Михаила новая церковь так как первый сельский храм уже обветшал от времени. Точно можно сказать, что церковь эта была деревянная и, как сказал о ней 16 июля 1868 года³ епископ Казанской епархии Антоний - «древняя и неблагоукрашенная». Вероятнее всего храм стоял недалеко от сельского кладбища, как это тогда было принято.

27 марта 1868 года при Михайло-Архангельской церкви села Русский Юрткуль⁴ было учреждено приходское попечительство.

Общество, или как тогда говорили - «мір» выбрал членами попечительства сроком на один год своих односельчан. Председателем стал помещик Василий Исков, постоянными членами: местные священники Алексей Агатицкий и Ананий Румянцов, церковный староста Андрей Алексеев⁵ и юрткульский волостной старшина Яков Авилов. Членами приходского попечительства стали: крестьяне села Юрткуль Дмитрий Терентьев, Александр Иванов, Леонтий Алексеев, Егор Козмин, Меркурий Леонтьев, крестьяне Базарных-Мордовских Юрткуль Егор Сергеев, Роман Тихонов, крестьяне

³Здесь и далее — даты даны по старому стилю.

⁴В те годы название села в документах писали как «Юркуль».

⁵В данном случае у крестьян указаны не фамилии, а отчества.

деревни Средних Мордовских Юркуль Никанор Давыдов, Ефим Алексеев, крестьянин выселка Приютного Семен Иванов.

С годами стал ветшать и храм построенный в 1776 году, поэтому в 1851 году было принято построить в селе новый, каменный храм во имя Архистратига Божия Михаила по проекту архитектора Ф.Н.Малиновского на новом месте, на берегу озера Сельское. Он был построен в 1869 году, а 15 октября 1870 года был освящен главный престол храма. Правый придел храма был освящен в 1875 года в честь Преображения Господня.

Малиновский Федор Николаевич, пожалуй, один из самых известных архитекторов храмов Казанской губернии. Из дворян, родился в 1864 году в Одессе В 1887 г закончил Институт гражданских инженеров со званием гражданского инженера. С 1889 года – младший инженер строительного отделения Тверского губернского правления, с 1892 года – младший архитектор там же. С 1893 по 1907 год – Казанский губернский архитектор, Казанский епархиальный архитектор. В 1898 году во время реконструкции он занимался проектировкой, подготовил план и чертеж, Царевококшайской городской женской богадельни. 1902-1907 годы – преподаватель Казанского промышленного училища. 1907-1911 годы – Казанский губернский инженер.

За время пребывания на должности Казанского епархиального архитектора Ф.Н. Малиновский спроектировал немало православных храмов, числе которых – церковь Михаила Архангела в селе Русский Юрткуль, Собор Иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость в Свияжске, Собор Троицы Живоначальной в Раифском Богородицком мужском монастыре, а так же колокольня в селе Танкеевка Спасского уезда построенная в 1897 году к Троицкой церкви (проект К. А. Тона).

Федор Николаевич так же спроектировал деревянную церковь Троицы Живоначальной в селе Порфировка (Спасский уезд), построенную в 1895 году. Именно эта церковь стоит сейчас на въезде в город Болгар и именно здесь хранятся мощи Святого Авраамия Болгарского.

Надо отметить, что несмотря на свою внешнюю красоту, внутреннее убранство юрткульского храма было довольно

скромным, стены его не были расписаны, икон было не много. Как писали современники : «внутренность храма поражала всякого богомольца своею неблаговидностью и отсутствием подобающего святынь боголепия и благоустройства. Внешний вид храма благолепен, а внутри пустота, темнота и чернота и во всё заустение». Денег в приходе не хватало, к тому же после постройки нового храма все средства шли на уплату долга по его постройке и на устройство ограды вокруг него. Каменную ограду вокруг церкви удалось построить только лишь в 1885 году.

С 1877 года местным священником стал отец Василий Зефилов, для которого главной задачей стало благоустройство и внутренний ремонт храма. Много лет он говорил об этом прихожанам, но денег у местных крестьян на это не было. И только лишь в декабре 1897 года о.Василий, найдя благотворителей — местных крестьян Нила Выжлова и Захара Горбунова с сыном Гавриилом, пожертвовавших 2000 рублей — стал ходатайствовать о дозволении произвести внутренний ремонт храма с устройством в нём нового придела во имя Казанской Божией Матери. 30 мая 1898 года разрешение на ремонт от епископа Казанской епархии Арсения было получено и 10 июня 1898 года работы начались.

Всего на ремонт храма нужно было 5000 рублей. 2000 — получены от местных крестьян-благотворителей, 1000 — капитал приходского попечительства, остальные средства получены от епископа Казанской епархии Арсения, от частных лиц и от прихожан Стахеевского благотворительного комитета⁶.

В ходе проведенных работ в храме был сделан из цемента новый пол, а в алтаре устроен пол из цементных плит, храм стал отапливаться, был обновлен иконостас, стены храма покрыли олифой, дважды прошпаклевали и украсили колером. Кроме этого на стенах были написаны картины из Священного Писания.

Храм, по сути, обновился. «Казанские епархиальные ведомости» писали, что Юрткульский храм «получил совершенно новое внутреннее устройство, по внутреннему

⁶Стахеевский благотворительный комитет — создан Елабужскими купцами Стахеевыми для оказания помощи монастырям и церквям Российской империи.

боголепию своему может занимать далеко не последнее место в ряду не только сельских, но и городских церквей». Не нужно забывать, что устройство храма проводилось в страшные годы — в 1898 году, из-за непогоды, хлеба у крестьян совсем не было.

7 февраля 1899 года состоялось освящение в новообновленном храме главного престола во имя Архистратига Божия Михаила и прочих сил безплотных. В этом торжестве приняли участие местный отец благочинный, священник с. Красной Слободы А.Фанагорский и священники сёл: Русский Юрткуль - Василий Зефилов, Базарных Мордовских Юрткулей — Порфирий Хрусталёв, Кокрять — Феофан Ставропольский и Матвеевки — Николай Румянцев. во имя Архистратига Божия Михаила

Кроме освящения нового престола в этот день в Юрткулях состоялся редкий церковный обряд сожжения старого престола⁷. Интересно то, что в Юрткулях этот обряд проводился два раза — в 1899 году, когда сжигали древний, еще со времен первого храма, престол во имя Архистратига Божия Михаила и в 1900 году, когда сжигали старый престол придела Преображения Господня.

Было это так. 6 февраля в село приехали священнослужители соседних сёл, участвующие в служении. В половине шестого вечера 156-ти пудовый церковный колокол возвестил о начале всенощного бдения, которое было совершено отцом благочинным вместе с прибывшими священниками. Всенощное бдение окончилось в девять часов. В четыре часа утра началась утренняя служба, по окончании которой, в 8 утра, начался благовест⁸ к сожжению старого престола. Священники, под пение местного хора тропаря «Благообразный Иосиф», вынесли на руках из алтаря старый престол. Шествие возглавлял отец благочинный А.Фанагорский с крестом в руках. Во время несения певчие запели «Святой Боже». Древний юрткульский престол сожгли в 30 саженьях от церковной ограды на берегу Церковного озера при пении ирмосов «Волною морскою».

⁷Престол — стол в середине алтаря освященный для совершения на нём Евхаристии.

⁸Благовест- колокольный звон перед началом церковной службы.

В половине десятого началось освящение нового престола. В два часа дня торжество было закончено.

В июле 1900 года в Михайло-Архангельском храме вновь прошла торжественная служба — 3 июля были освящены два придела: новый во имя Казанской Божией Матери (левый), и обновленный во имя Преображения Господня (правый), при этом прежний Святой престол придела Преображения Господня, как год назад и главный престол, подлежал сожжению. Это был более торжественный обряд так как проходил он летом, 2 июля.

На торжество прибыли благочинный, священник села Красной слободы А. П. Фанагорский, священники сел: Кокряти — О. А. Ставропольский, Жедяевки — М. Як. Смелов, Матвеевки — Н. Ан. Румянцев, Болгар — Вс. Вл. Смирнов, Никольского — П. М. Теплов, и Базарных Юрткулей — П. С.Хрусталеv.

В половине шестого вечера, 2 июля 1900 года 156 пудовый колокол заблаговестить о начале всенощного бдения, которое было совершено о. благочинным А.Фанагорским соборно со всеми прибывшими священниками и местным настоятелем отцом Василием Зефировым.

Народу было много — храм был забит людьми битком, церковная ограда и место рядом так же были заполнены юрткульцами и жителями сёл Спасского уезда, пришедшими посмотреть на редкий церковный обряд сожжения престола.

Всенощное бдение закончилось в половине девятого, и сразу же редкий церковный благовест колокола дал знать о начале приготовления к сожжению старого престола. Священник отец Василий Зефиров произнес краткую речь о наступающих важных минутах в жизни сельской церкви, о главном назначении для храма и православных христиан Святого престола. Все присутствующие зажгли свечи. Священники, с дьяконами и псаломщиком встали возле старого престола Преображения Господня и, пропев „Трисвятое“, подняли его на плечи и стали выносить его из храма. Редкий церковный звон большого юрткульского колокола перешел в

перебор и перезвон всех колоколов, певчие запели „Благообразный Иосиф“.

Церковное шествие из храма направилось посолонь вокруг западной, северной, восточной и южной сторон церкви. С южной стороны церковной ограды граничит большое озеро, называемое местными жителями «Церковное» или «Сельское», на котором и было совершено сожжение старого престола.

Для сожжения престола был заранее сделан для этой цели из бревен и досок довольно большой плот с перилами по бокам. Плот украсили зеленью и деревьями. Посредине плота кирпичем был выложен небольшой постамент - место для престола. Священники с дьяконами взошли на приготовленный плот и, поджегши старый престол, стали постепенно и тихо отплывать от берега на средину озера, где и продолжалось сожжение престола. В 9- 45 с углями и пеплом от сожженного престола плот приплыл к берегу. Угли были розданы желающим, а пепел опущен в воду. На колокольные послышился красный звон⁹ под который крестный ход возвратился в церковь.

В понедельник, 3-го июля рано утром, в 4 часа, церковный колокол ударил к утреннему богослужению. Ровно в 7 часов началось освящение новоустроенного левого придельного престола во имя Казанской Божией Матери и, по освящении его, совершилась ранняя божественная литургия с отправлением молебна Казанской Божией Матери. В 10 часов начался благовест к освящению правого придельного престола во имя Преображения Господня.

Церковь закрыли в начале 1930-х годов. Колокола, как утверждают старожилы, сняли и увезли на переплавку. Юрткульцы смогли спасти несколько икон и церковное распятие, которое сейчас находится в Космодемьянской церкви с. Кокрять.

Распоряжением Главы администрации Ульяновской области от 29.07.1999 №959-р юрткульская церковь включена в список выявленных объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Ульяновской области. Но

⁹Красный звон — церковный звон во все колокола, кроме большого.

этот список не спасает уникальный архитектурный объект от разрушения.

Документы по истории села

Российская государственная библиотека (бывшая Государственная библиотека имени В.И.Ленина) – одно из крупнейших книжных хранилищ в мире. В её стенах находится уникальное собрание отечественных и зарубежных документов на 367 языках мира. Объём всех фондов превышает 48,1 миллиона единиц хранения, из них около трёх миллионов особо ценных изданий и других документов.

Хранятся здесь и уникальные, ранее не опубликованные документы, по истории села Русский Юрткуль. Фонд 460 отдела рукописей называется «Юрткули, имение Умовых Казанской губернии». Здесь хранятся документы по истории села за 1699 – 1876 годы.

Самым древним документом фонда является «Выпись на владение селом Юрткули и окрестными землями данная Петром I Ивану Поплавскому со товарищи» датированная 1699 годом. По всей видимости, данный документ и есть подтверждение водворения на юрткульские земли Петром I польской шляхты.

Здесь хранится немало документов касающихся владения землями в Спасском уезде Казанской губернии, которые сейчас относятся к Старомайнскому району Ульяновской области. Среди них купчие и свидетельство на деревню Зеленовку 1735 года, дарственная 1820 года на село Юрткули выданная Василием Петровичем Шишкиным Евгении Дмитриевне Федотовой, свидетельство 1833 года о владении Николаем Андреевичем Валом селом Юрткули, договоры крестьян д. Матвеевки с Иваном Павловичем Умовым об аренде и продаже земли, межевая книга 1847 года на д. Умовку, принадлежащую Ивану Павловичу Умову, а так же документы по составлению Казанской губернской чертежной комиссией межевой книги на лесной участок при селе Юрткуль 1874 года.

Основная масса документов, хранящаяся в фонде, это документы семьи Умовых. Первый из них - свидетельство об окончании Казанского университета в 1834 году Алексеем Павловичем Умовым, который был незаконнорожденным

сыном секунд-майора Павла Михайловича Наумова. Своим детям, родившимся от крепостной крестьянки Матрены¹⁰ Тихоновны, Павел Наумов в соответствии с традициями той эпохи присвоил «усеченную» фамилию – Умовы. Кстати, здесь хранится и завещание Павла Михайловича 1838 года. Среди хранящихся документов немало личных писем Ивану Павловичу Умову – от Варвары Деменевой, из штаба 4 пехотного корпуса, Московской сохранный казны и Натальи Ховриной.

Основной массив документов это имущественные бумаги Умовых (Павла Михайловича и его матери – Анны Михайловны): отдельные акты между Иваном Павловичем и Алексеем Павловичем на имущество А.П.Тюленевой и П.М.Наумова, купчие на земли принадлежавшие С.С.Ермолаеву, А.П.Тюленевой, П.М.Наумову, Д.В.Грацынской проданные или завещанные ими Ивану Павловичу Умову.

Имеются здесь и лекции профессоров Казанского университета, записанные Алексеем и Иваном Умовыми.

Но не только Наумовы-Умовы оставили свой след в истории с. Русский Юрткуль. Документы фонда так же отражают жизнь и деятельность других юрткульских помещиков. Например, имеется немало документов касающихся

¹⁰ В некоторых публикациях ошибочно указывается - Агафья

семьи Вал: послужной список 1797 года Андрея Ивановича Вал, а так же документы касаясь войны 1812 года.

Наверняка многие юрткульцы смогут найти здесь и документы, касающиеся истории их семьи, так как среди них есть полный список жертвователей на строительство сельской церкви, хозяйственные записи, расписки, планы, квитанции об уплате податей за 1800-1860 года, рекрутские документы, ревизские сказки 1803-1834 годов, а так же купчие, дарственные, отпускные в замужество и на волю крестьян помещиков Вал, Милюковой, Тюленевой.

В 1819 году юрткульский помещик М.И.Вал купил в деревне Крохино Кашинского уезда Тверской губернии у помещицы Е.В.Мильковой крепостных крестьян. Для их проезда из д.Крохино в г.Спасск Казанской губернии был выписан проездной билет на гербовой печати. Это были крестьяне Родионовы. И этот билет до сих пор хранится в фондах Российской государственной библиотеки. Интересно, что в 1835 году помещик Иван Вал купил в этой же деревне крестьянина Пахома Саввича (род. 1794 г) с семьей и перевез их в своё юрткульское имение. Так в селе появилась фамилия Пахомовых.

Вот такой интересный документ хранится в главной библиотеке страны, и он еще ждет своих исследователей.

Раткуль. Место на карте

На границе Старомайнского района Ульяновской области и Спасского района Республики Татарстан раскинулась историческая область Раткуль. Место, которое у всех на виду, но о котором мало кто знает.

Раткуль - огромный овраг, расположенный между речными системами Утки и Бездны, занимает огромную площадь — 170 кв.км. Ширина Раткуля в отдельных местах достигает семи километров, а длина его более 30 км.

Раткуль — отец всем Юрткулям. Именно на его берегах расположены или располагались когда то все Юрткули: Русские, Средне-Татарские, Подлесные, Степные, Базарно-Мордовские, Средние, Подлесные, а так же деревни: Васильевка, Приютное, Шигалеевка, Михайловка, Лобовка и Катюшино.

Название Раткуль в переводе означает «Сухая Речка», но местные жители очень часто произносили это название как Латкур или Нараткуль. Последнее название в течение многих лет даже было официальным — именно под таким названием овраг был известен на старых картах и Памятных книгах Казанской губернии XVIII – XIX в.в.

Инженеры XIX века считали, что Раткуль имеет пять боковых систем:

- Правобережную, проходящую через с. Степные Юрткули.
- Восточное ответвление у д. Лобовки
- Систему оврагов, проходящих через д. Подлесные и Средне- Мордовские Юрткули.
- Овраги между д. Подлесные, Средне-Мордовские Юрткули и Русскими Юрткулями.
- Систему оврагов села Русские Юрткули.

Можно с полной уверенностью сказать, что несколько лет назад Раткуль был не оврагом, а рекой. Доказательством этому могут служить древние карты Казанского края, на которых указана река Раткуль (на некоторых - река Нараткуль). В 1911 году инженеры, руководящие работами по очистке оврага, писали, что юрткульские старожилы рассказывали им, что в середине XVIII в. Раткуль представлял из себя реку, значительная часть бассейна которой была покрыта лесом. Более того — сейчас мало кто знает, но в первые годы своего основания село Средний Юрткуль носил название - «деревня Вершина речки Нараткуль¹¹». Несколько лет назад исследователь и знаток этих мест Анвар Гафуров нашел на дне Раткуля старинные рыболовные крючки длиной более 10 см.

¹¹РГАДА -Ф 1209 - Оп 1 - Кн 1124 -Л 219, 219 об

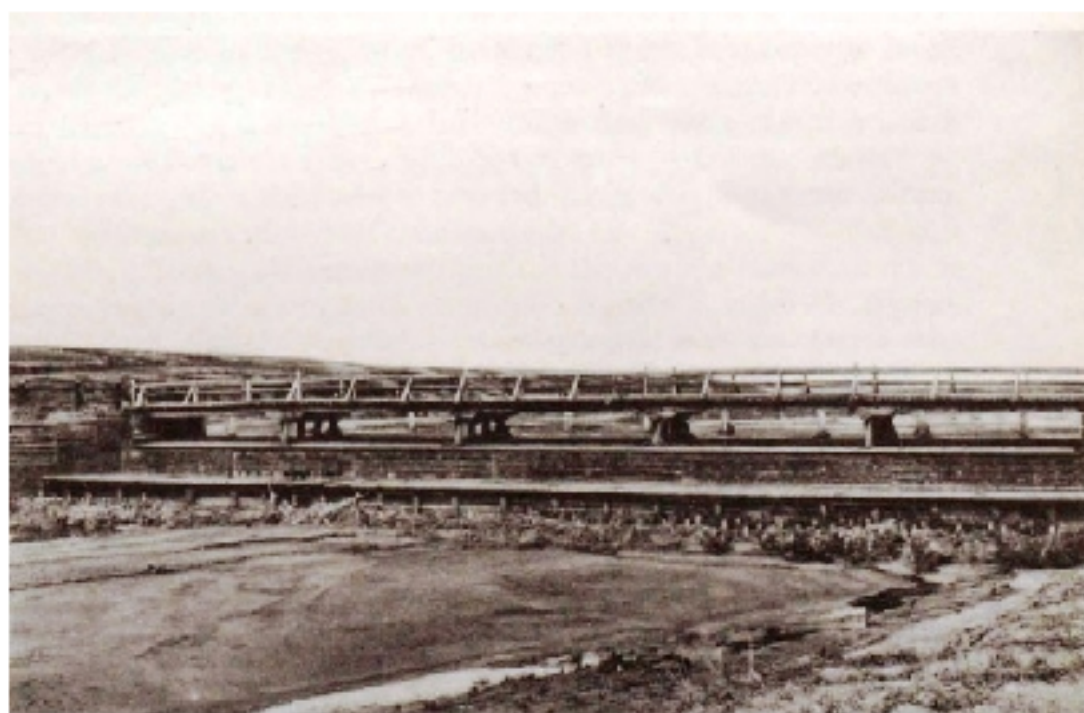
Общий видъ на 13-ой веротѣ дѣствующаго оврага Раткула въ
Спасскомъ у. Казанской губ.

Один из инженеров, проводивших здесь земляные работы так описывал историю Раткуля¹²: «Как я узнал из рассказов многих другим местных крестьян, а так же помещиков-старожилов, всего лишь несколько десятков лет тому назад местность эта еще далеко не в такой степени как теперь, страдала от действия песков и оврагов. Когда то давно, во времена еще древних болгар, населявших в этих местах берега Волги, а затем и при татарах, здесь было всего вдоволь – и воды и леса. Необозримые дремучие леса покрывали собою целые тысячи десятин и лучше всего обеспечивали почве равномерное распределение влаги. И действительно, в то время местность эта изобиловала массою озер, памятником которых остались до нашего времени лишь многочисленные названия татарских селений, которые все почти оканчиваются словом «куль», что значит «озеро». Безжалостный топор хищника-человека лишил этот край лучшей его силы и украшения – его мощных лесов, и этим положил начало целому ряду губительных бедствий».

Когда Раткульские леса не были уничтожены то на склонах реки росли травы и кустарники, что задерживало

¹² «Исторический вестник». январь 1902 г.

таяние снега. Небольшая скорость течения реки Раткуль не вызывала эрозии почвы. Однако всё изменилось после того как леса по берегам Раткуля были вырублены. Это изменило всю экосистему южной части Спасского уезда. Отсутствие растительности на берегах привело их к обрушениям. Грунтовые воды и, некогда находящиеся рядом, озёра перестали питать главное русло реки, что привело к её высыханию. Дно Раткуля к 1900 году покрылось толстым слоем сыпучего песка и во время весенних паводков этот песок вымывало на пашенные земли местных крестьян, уничтожая посевы и посадки культурных растений, а так же заваливая родники и озера.

Затопление на плотинѣ у с. Базарные-Мордовские-Юрткули, на 13-ей верстѣ
справа Раткуля Спасскаго у. Казанской губ.

Так об этом вспоминал один из ямщиков Спасского уезда в 1899 году¹³: «Там да здесь плотины поставят, а как весною вода большая пойдет, где её удержать? Как щепочки плотины эти самые рвет, и сладу никакого с водой нет. А потом, как придѣт вода нанизкое место, итти то ей больше некуда – разливается и песку с собой целыя горы наносит. Сказывают

¹³ Там же

старики, не одно озеро песком-то этим самым засыпало. Да что старики! Я сам помню – здесь в одном месте озеро было – так я еще мальчишкою в нем рыбу ловил. Славная такая рыба была, и крупная водилась. А теперь... и-и...не то, что рыбы – воды капельки в озере не осталось. Всё, как есть, песком засыпано».

Например, в конце XIX века местные крестьяне (даже молодые) помнили, что между деревнями Михайловка и Шигалеевка существовало глубокое озеро на котором водились дикие лебеди. Юрткульцы его так и называли - «Лебяжье озеро». Но с обмелением Раткуля его сыпучие пески уничтожили это красивое место.

В 1899 году было решено провести общественные работы на Раткуле. Была сделана попытка заключить весенние раткульские воды в определенное русло построив по его дну канал. Так же, лесоводами Квещинским и Чумаковым, были проведены работы по укреплению вершин оврага построив на них запруды из плетня.

В 1907-1908 гг работы продолжились. Под руководством ученого лесовода Н.Н.Бернацкого были проведены работы по укреплению оврага и улучшению дорог между селами по его дну.

Николай Николаевич Бернацкий был человеком весьма образованным — закончил Лесной институт и Московский институт путей сообщения. Гидротехник и лесовод. Инженер путей сообщения. В годы гражданской войны воевал в Вооруженных силах Юга России под командованием А.И.Деникина. В начале 1920-го года эвакуировался из Новороссийска в Югославию. Остаток жизни прожил в эмиграции во Франции и Сенегале. Умер 28 ноября 1939 года.

В 1907 году Николай Николаевич приступил к уникальной работе. Им были устроены три плотины снабженных деревянными водосливами: у деревень Подлесные Юрткули, СреднеТатарские Юрткули и возле села Базарно-Мордовские Юрткули. Этими плотинами пытались остановить песчаные выносы с боковых оврагов. Кроме этого в селах Русские Юрткули и Степные Юрткули были устроены водохранилища. В дальнейшем планировалось облесить пруды созданные плотинами быстрорастущими породами деревьев. Однако весеннее половодье 1908 года практически разрушило

все построенные плотины. Поэтому в 1912 году было решено построить новые плотины: на 9-той версте в урочище Дубки, на 16-той версте у д. Средние Татарские Юрткули и возле д.Лобовки.

Кроме этого в 1912 году решено было устроить систему прудов (не менее двух) для того чтобы верхний служил илозадерживающим, а нижний пруд предназначался для нужд населения. Такая система двойных прудов была устроена в Средних и Подлесных Мордовских Юрткулях. А в Русских Юрткулях эта система до сих пор сохранилась — здесь илозадерживающий пруд был сделан путем углубления пруда 1907 года лесовода Н.Н. Бернацкого. Сейчас этот пруд местные жители называют «озеро Сельское» или «Церковное».

Работы на овраге Юрткули от Средних уезд, Базарной губернии. Подготовка приливного пруда.

В 1912 году так же были проведены дороги: из Русских Юрткулей в Базарно — Мордовские общей длинной три версты с тремя мостами; из Средних Мордовских Юрткулей на лесной кордон (так называемая «лесовозная дорога») с тремя мостами; из Средних Мордовских Юрткулей на с. Гусиха через Кала-Сюгур с двумя мостами.

Все работы проводились силами местных крестьян. Кстати, в рамках этих работ, возле села Кокрятъ, была проведены мероприятия по укреплению песков. Полученные за работу деньги – 448 рублей 80 коп, кокрятцы пожертвовали на устройство нового иконостаса для второго придела в местном храме в память оказанной им царской милости в виде устройства работ, давших им заработок и спасших их село от надвигания песков.

Профессор Н.Ф.Высоцкий

История любого места во многом состоит из дат и имен. Любая новая дата – всегда событие для краеведения, а открытие нового имени всегда несет за собой и открытие новых страниц в истории места.

Николай Фёдорович родился 21 ноября 1843 года в Нижнем Новгороде. После окончания гимназии в родном городе поступил и окончил медицинский факультет Казанского университета.

С августа 1864 года Советом Казанского университета он был избран ординатором хирургической факультетской клиники. В 1866 году, во время эпидемии холеры в качестве земского доктора проводил мероприятия по изучению этой болезни в с. Русский Юрткуль Спасского уезда. Н.Ф. Высоцкий приехал в Русские Юрткули 3 августа 1866 г., сразу же столкнувшись с серьёзными проблемами, создавшими непосредственную угрозу для его личной безопасности и самой жизни. Определённо, «холерная практика» в Спасском уезде стала для Николая Фёдоровича «знаковой» во многих отношениях.

Игорь Алексеев, современный исследователь жизни Н.Ф.Высоцкого, так описывает эту поездку¹⁴: Здесь – в Русских Юрткулях – молодой врач впервые столкнулся «лицом к лицу» с жертвой холеры – местным крестьянином Симеоном, мёртвые черты которого навсегда врезались в его память и были затем подробно описаны в вышеозначенной статье. Как вспоминал Н.Ф. Высоцкий, это «был первый холерный труп», который ему довелось видеть вблизи, и он произвёл на него «очень тяжёлое впечатление», почему Николай Фёдорович «и запомнил его так отчётливо». Здесь же к нему пришло первое народное признание его хирургического таланта, о чём он также, с известной долей иронии, писал в статье «Из воспоминаний врача о холере 1866 года».

Прознав, что в деревню приехал лекарь, к нему в большом числе начали приходить местные жители, среди которых, однако, не оказалось ни одного холерного больного. «Между ними, – писал Н.Ф. Высоцкий, – попался старик, лет 60-ти, с раковой язвой на нижней губе. Я предложил вырезать её, больной согласился, и мы с Терентьевым тотчас же сделали операцию. Рана на губе зажила в несколько дней, и этот пустой случай быстро установил мою репутацию, как хирурга.

Количество приходящих больных возрастало с каждым днём, особенно с различными наружными болезнями. Почти ни одного приёма не обходилось без нескольких небольших операций. В то же

¹⁴ И. Алексеев «Ну, если холерные нейдут ко мне, – решил я, – так я сам пойду к ним!». Русская народная линия. 26.04.2020.

время, по слухам, росло в селе и количество заболевающих холерой. Но эти больные ни ко мне не являлись, ни к себе не приглашали.

Основные причины этого «странного» явления, как выяснилось, заключались в многочисленных предубеждениях крестьян, считавших холеру «Божьим насланием», «скорбью», которую невозможно лечить, а также полагавших, что врачи «от помещиков подкуплены – нас морить, халеру пущать». По словам Н.Ф. Высоцкого, предъявленное ему «нелепое обвинение» через несколько дней «облеклось уже в поэтическую форму причитаний, по поводу, якобы, угрожающего всему населению бедствия», которые он услышал от местных баб:

«Отошли наши красные дни,
Закатилось наше светло солнышко,
Приехали лекаря нас несчастных морить».

«Образумить» местных крестьян не помогло ни обращение к местному священнику, собравшему по просьбе Н.Ф. Высоцкого сельский сход, не увещевания исправника, прибывшего в Русские Юрткули после того, как Николай Фёдорович послал в Спасскую уездную земскую управу заявление с просьбой уволить его от должности. Среди жителей села Русские Юрткули, к тому же, был довольно высок процент староверов. Как объяснил Н.Ф. Высоцкому тамошний священник, народ «к церкви Божией не очень прилежен, – больше раскола придерживается, у себя по избам, да по клетям церковные службы правит».

Юрткульцы, по словам Н.Ф. Высоцкого, «умирали от холеры, но лечиться не хотели». Наконец, после нового заявления Николая Фёдоровича в управу с просьбой об увольнении, дополненной угрозой «в противном случае, уехать из Юрткуль без разрешения», в село явился местный становой пристав с двумя стражниками-казаками, которые сразу взяли «отказников» в оборот: был вновь собран сельский сход, где арестованы несколько человек.

Но даже после ликвидации холерной эпидемии в Русских Юрткулях «приключения» Н.Ф. Высоцкого не прекратились: в довершении ко всему он чуть было не погиб от рук крестьян соседней деревни – Мордовские Юрткули, куда отправился из Русских Юрткулей во второй половине сентября 1866 г., после получения известия о появлении там больных холерой.

В апреле 1868 года защищал сочинение *pro venia legendi* (на получение права преподавать) «О посторонних телах наружного слухового прохода» и 18 июня был утверждён приват-доцентом отиатрии. С 27 октября 1869 года ему было поручено преподавание оперативной хирургии.

С 18 июня 1893 года — заслуженный профессор Казанского университета; 1 января 1894 года был произведён в действительные статские советники. Состоял гласным Казанской городской думы.

Н.Ф.Высоцкий известен как организатор и первый руководитель Бактериологического института при Императорском Казанском университете, основоположник развития отиатрии в Казани, бескорыстный адепт и подвижник «Российского Общества Красного Креста» в Казанской губернии, идеолог и практик общественной медицины. Помимо прочего, Н.Ф.Высоцкий получил известность в качестве руководителя умеренно-монархического «Союза пастырей и церковных старост г. Казани», «группы правых профессоров» Казанского университета, правого крыла «Казанского Союза 17 Октября», а затем - «Казанского Русского Избирательного Комитета» и «Казанского Русского Национального Клуба». В начале двадцатого века он состоял ктиторм Университетской Крестовоздвиженской церкви¹⁵.

Н.Ф. Высоцкий оставил после себя несколько статей и популярных заметок по бактериологии, эпидемиологии и истории медицины. Он автор трудов о причинах возникновения инфекций - чумы, сыпного тифа, холеры, дифтерии, способах их диагностики, лечения и профилактики.

Его главные ученые труды касались не только медицины, но и археологии и этнографии. Он неоднократно организовывал и осуществлял сам археологические раскопки, принимал участие в аналогичного рода исследованиях, проводившихся членами Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете в Казанском, Лаишевском, Спасском, Тетюшском уездах Казанской губернии.

Воспоминания профессора Н.Ф.Высоцкого интересны не только с точки зрения медицины. Для нас — это уникальная информация о жизни села Русский Юрткуль середины XIX века.

¹⁵ И. Алексеев. Из научного наследия профессора Казанского университета Н.Ф.Высоцкого. Русская народная линия. 26.09.2012.

Николай Федорович очень точно и весьма подробно описывает внешность юрткульцев, их быт, жилье, местный говор, обычаи, общественную жизнь.

В «Татарской энциклопедии» профессор Н.Ф.Высоцкий назван первым русским онкологом, а его работа по выяснению причин возникновения и развития рака нижней губы - «одной из первых работ по онкологии». Заметим – свою первую операцию по удалению рака нижней губы Н.Ф.Высоцкий провел в с.Русский Юрткуль.

Воспоминание заслуженного профессора Н.Ф.Высоцкого о холере 1866 года в Русских Юрткулях¹⁶

Во время холерной эпидемии 1866 года мне привелось действовать, в качестве врача, в одном из глухих углов Спасского уезда Казанской губернии,- в селе Русских Юрткулях. Эта часть уезда лежит на границе с Самарской губернией и село Русские Юрткули находится верстах в 80 от известного торгового села Самарской губернии - Майны¹⁷.

Холера в Юрткули и была завезена из этого последнего, кабатчиком, который ездил туда за товаром, к первому Спасу (1-е августа).

Кабатчик, как оказалось впоследствии, кроме различных сортов водки, привез из Майны кадочку щучьей соленой икры и несколько ведер «холерной настойки».

¹⁶ Подготовлено Н.Захарчевым по материалам «Воспоминания врача о холере 1866 года. Сборник «Памяти «Русалки». Казань. 1895 г.

¹⁷Здесь и далее: Старая Майна

О свойствах этих интересных продуктов поговорю ниже, а теперь скажу вкратце о первых проявлениях холеры в с. Р. Юрткулях.

Кабатчик возвратился из Майны накануне первого Спаса (31 июля), вечером. На другой день, после обедни, у его жены собрались гости. Пили чай, водку «настойку» и закусывали привезенной икрой. Сам кабатчик, по случаю бойкой праздничной торговли, удерживавшей его в кабаке, в угощении не участвовал.

Сколько было гостей у кабатчицы и кто именно, в точности установить не удалось, тем не менее, относительно этого сборища, послужившего, по-видимому, причиной первых проявления холеры в Р. Юрткулях, я узнали следующее. К вечеру того же дня (1 августа) заболела холерой кабатчица и умерла к утру следующего, 2-го августа. В этот день, утром, заболела бобылка, вдова солдата, жившая на другом конце села, а к вечеру - один крестьянин, бывшие в гостях у кабатчицы. Так началась холера в с. Р. Юрткулях, в 1866 году.

Я приехал в Русские Юрткули 3 августа. Весь этот день погода была отвратительная: с утра зачастил мелкий, как из сита, дождь и порывами дул холодный, северный ветер. К полудню степная дорога превратилась в море липкой грязи, и по такой дороге мне пришлось ехать верст 40. Выехал я после раннего обеда и только около 10 часов вечера моя измученная пара, среди глубокой тьмы, дотащила меня до Юрткульского волостного правления. Всё село уже спало глубокими сном. Долго колотил мой иззябший возница и сапогами в ворота и кнутовищем в окошко, посылая изумительнейшие ругательства, по адресу правленских обитателей, пока, наконец, в доме появился огонь, отворилось одно из окон, и в него высунулась, освещенная сбоку, всклокоченная голова, принадлежавшая, как оказалось, правленскому сторожу.

Начались расспросы - кто и зачем? причем чин «холерного лекаря», под которым рекомендовал меня ямщик всклокоченной голове, очевидно, казался ей весьма подозрительным.

- Какой такой халерный лекарь? чаво ему здесь надобно? и т. д., вопрошала строгим тоном голова.

А дождь моросит, да моросит, а холодный ветер до костей прохватывает измокшее тело.

- Отворяй ворота, дубина, увидишь какой лекарь, вмешиваюсь в разговор наконец и я.

Этот решительный тони мгновенно действует на сторожа. Голова его исчезает из окна, по двору слышится шлепанье босых ног, ворота отворяются, и мы въезжаем во двор.

Наконец, слава Богу, я в избе! Торопливо стаскиваю с себя промокшее платье, но стащить без посторонней помощи не могу, до того оно намокло, а сторож стоит у двери и подозрительно меня оглядывает. Очевидно, впечатление моего первого окрика успело уже изгладиться и его снова начинают одолевать сомнения на счет «холерного лекаря.» «Что-то об этих не слышно было. Не жулики какой, а я его в правление пустил.»

Угадывая эти сомнения, я снова принимаю начальнический тон и приказываю снять с себя платье. Этот прием действует по-прежнему. Платье снято. Ямщик приносить чемодан, к счастью оказавшийся не подмоченным. Я передеваюсь во все сухое и приказываю поставить самовар.

Пока он готовился, я отыскиваю «открытый лист», из уездной земской управы, и предъявляю подозрительному сторожу.

Он берет лист вверх ногами и растерянно осматривает, но присутствие знакомой печати мгновенно разрешает сомнения. Лист мне почтительно возвращается, успокоенный сторож стрелой летит из комнаты и, через несколько минут, возвращается с очень грязным, но бойко кипящим самоваром. Заварив чай, я, с наслаждением издрогшего человека, проглатываю несколько стаканов ароматного кипятку, согреваюсь, успокаиваюсь и, отодвинув стакан, закурываю папиросу.

Сторож, найдя этот момент удобным для разговора, очевидно, желает разрешить свои последние сомнения.

-Так, значит, вы ваше благородие к нами на счет халеры?

- На счет холеры.

- Што-же, таперича, с ей делать будете?

- Лечить буду.

- Лечи-ить? кого-же лечить-то?

- Кто захворает.

- Кто захворает.... та-ак.. молчание.

- что у вас много этой скорби в селе? спрашиваю я.

- Мы почём знаем, мы не знаем, не наше это дело, - отвечает осторожно сторож.

- А кто же знает?

- Известно кто – начальство, - волостной, староста.

По мере разговора со сторожем, во мне вырастает убеждение, что я непременно и немедленно должен узнать сколько в селе больных холерою и кто они, чтобы со следующего утра уже начать «действовать».

- Ну, так вот что, говорю я сторожу, - сходи - ко ты к волостному, да позови его сюда, скажи: лекарь, мол, земский спрашивает, очень нужно.

- Да волостного - то дома нет, ещё вчера уехавши.

- Куда?

- Да Бог его знает. С писарем вместе, по делам по каким-то.

- Ну а староста дома?

- Староста дома.

- А живёт он далеко отсюда?

- Не, двора через четыре.

- Отлично, так сходи и позови старосту.

- Да ведь он, поди, спит, давным-давно.

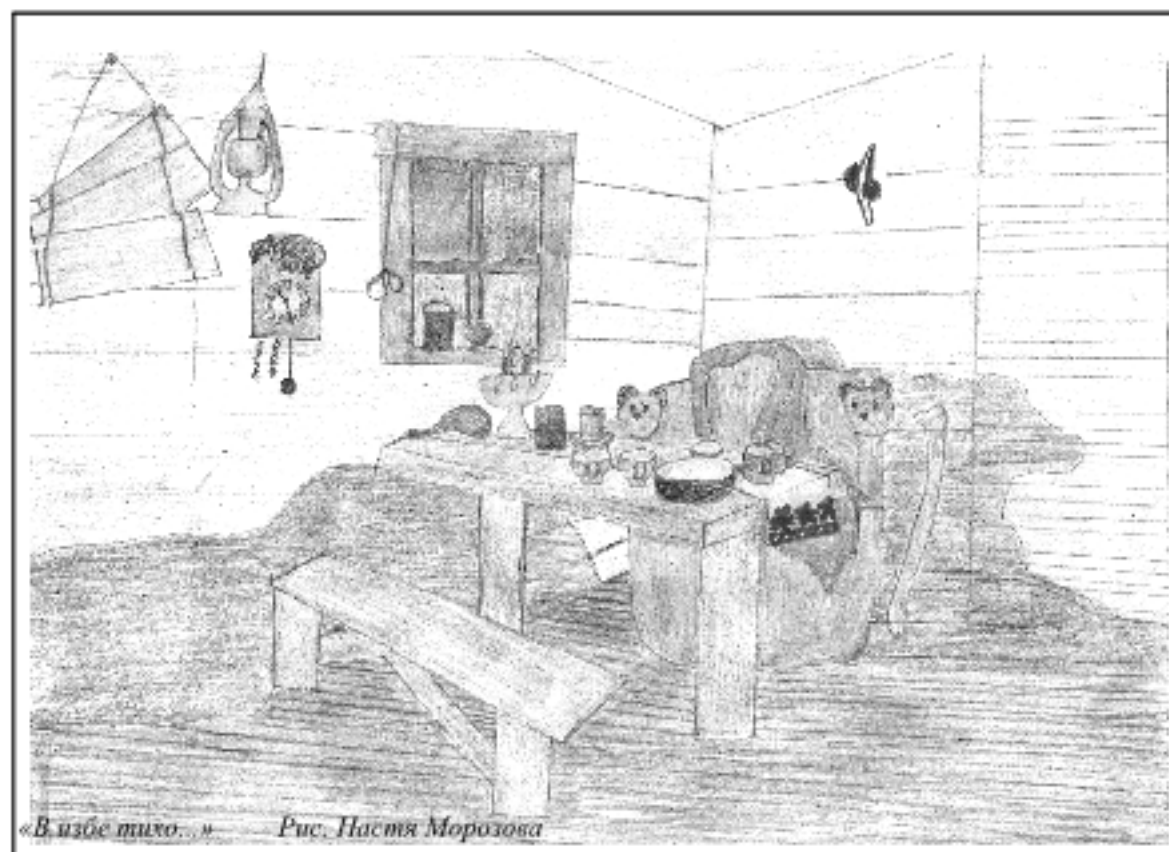
- Разбуди, дело спешное, потом выпится.

Сторож начинает почесываться и подмышками и в затылке, глубоко вздыхает несколько раз, чего-то бормочет себе под нос, но послушаться не решается. Он садится на коник¹⁸ у двери, на котором спал до моего приезда, берет онучи¹⁹ и сосредоточенно их

¹⁸Коник — ларь для спанья с подъемною крышкой.

¹⁹Онучи — портянки под лапти.

разглядывает, потом проделывает то же с сапогом, наконец швыряет его под лавку, махает на что-то рукой, натягивает азям²⁰ и босиком, без шапки, устремляется из избы.

«В избе тихо...» Рис. Настя Морозова

- Пойди, куда ты, кричу я ему,- надень сапоги, шапку!

Но сторож не слушается, сердито хлопает дверью и исчезает...

В избе тихо. Маргариновая свеча озаряет красноватым светом лишь ближайшую окрестность стола, на котором стоит, остальная часть комнаты тонет в полумраке и только неуклюжие, старинные часы выделяется неясным, серым пятном на противоположной стене. Их невидимый маятник аккуратно убивает свое «тик так», сопровождая эту работу каким-то странным и, по-видимому, совершенно излишним шипением. Мелкий дождь, налетая порывами, то барабанит в стекла жидким, дребезжащим звоном, то как бы осыпает их пылью.

²⁰ Азям — старинная верхняя одежда: длинный кафтан из грубого домашнего сукна который носится с кушаком.

Я начинаю раздумывать о том, хорошо ли я делаю, чуть не в полночь, тревожа людей – сторожа, старосту, да ещё в такую грязь и непогоду. Разве нельзя было отложить дело до завтра? Но ведь в селе есть больные, которым может быть нужна немедленная помощь и которые до завтра могут пять раз умереть, возражаю я сам себе и решаю, что сделал как следовало.

Затем, свеча на столе начинает как-то странно мигать, часы на стене то расплываются в громадное пятно, то превращаются в едва заметную точку, звуки маятника слышатся слабее и слабее.... Я засыпаю. Во сне я снова еду куда-то, по тряской дороге, сидеть ужасно неудобно – ноги совсем затекли. Но вот мы подъехали к какому-то мосту. Слышится окрик: стой! И лошади мгновенно останавливаются. Из под моста выскакивает мужик с топором в руке и бросается на меня. В ужасе я вскрикиваю и просыпаюсь. Передо мной действительно стоит мужик, но топора у него нет, а за ним ещё какая-то фигура.

- Крепко ты уснул, ваше благородие, уж я тебя будил, будил, да испугал видно,- говорит стоящий передо мной, оказавшийся сторожем. А вот и староста пришел, - прибавил он, указывая на находившуюся за ним фигуру.

- А, староста, повторяю я, совершенно приходя в сознание и успокаиваясь, ну отлично, садись.

- Ничего постоим, - говорит староста, выдвигаясь вперед.

- А ты садись, садись, мне тебя спросить нужно. Староста садится.

- Скажи мне, пожалуйста, много ли на селе у вас холерных?

- Холерных то..... да что Иван, обращается он к сторожу, никак трое?

Сторож, очевидно забывшись, что он ничего об этом не знает, как докладывал мне, возражает старосте: «где – трое, только двое».

Как двое? Наталья бобылка²¹ – раз, Симеон хромой – два, да Федосья Миколавна, кабатчица – три.

Да ведь кабатчица-то чай вчера ещё померла.

²¹Бобылка — одинокая женщина не имеющая семьи.

А и то, парень, померла. Ну значит – двое.

Так вот что брат, обращаюсь я к старосте, сходим- ка мы к больным- то. Авось им чем-нибудь помочь можно.

Что ты, возражает староста, - куда ты в эку темень, да грязь, в полночь глухую пойдёшь, ведь народ-от спит весь, по что его булгачить²²!

Спят которые здоровые, а мы к больным пойдём, – им какой сон!

Да обожди ты, - упорствует староста, до утра, тогда и пойдём.

Подожди до утра, а как утру то больные умрут.

Ну, помрут – значит, Божья воля.

Божья-то воля сама собой, а и попытаться полечить надо. Вот у меня церковное вино красное есть, мята, спирт. Напоим их мяткой горячей²³, винца красного дадим, руки, ноги спиртом разотрём, укутаем чем-нибудь, они пропотеют хорошенько, да Бог даст и поправятся.

Староста задумывается. Очевидно моя уверенность в чудодейственную силу перечисленных «средств» влияет и на него.

- Ну, коли такое твоё желание, делать нечего, пойдёмте. Пойдём и ты, Иван, обращается староста к сторожу,- да возьми фонарь. Видишь на улице-то темень какая, хоть глаз выколи!

Иван приносит фонарь, зажигает находящийся в нём огарок и устремляется в сени, опять-таки босиком и без шапки.

На этот раз я возвращаю его в избу, настойчиво приказывая одеться и обуться, как следует.

- Куда же мы пойдём сначала, спрашиваю я старосту.

- А пойдём сначала к Наталье, она тут ближе будет.

Идём к Наталье. Впереди Иван с фонарем, стекла которого оказываются до того грязными, что свет через них проходит какой-

²²Булгачить — беспокоить, скандалить, лишать покоя.

²³Мятка горячая — настой мяты.

то матовый, словно через промасленную бумагу, а за ним – мы со старостой.

Дождь перестал, но холодный ветер дует по-прежнему. Грязь на улице такая, что с трудом выдираешь ноги, она налипает на сапоги, кажется, пудами.

До Натальи нам пришлось идти добрых полверсты. Наконец, у самой околицы, освещенная Ивановым фонарем, выдвигается из мрака, скосившаяся на бок, избушка на курьих ножках, с тремя крошечными оконцами. Это и есть жилище Натальи – бобылки. Вокруг его, в полном смысле слова, ни кола, ни двора – чистое поле. В избе совершенно темно.

Староста начинает стучать падогом²⁴ в оконце и взывать к Наталье, чтобы она встала ипустила нас в избу, но старания его долгое время остаются без успеха.

Уже не умерла ли и Наталья то,- соображает Иван.

Но она не умерла. Вот слышен слабый, хриплый голос: «кто там?».

- Это мы, Наталья, говорит староста, отопри.

- Кто вы, чево вам, полуночникам, надо?

- Да я, дура, староста, Микифор Иваныч, к тебе лекаря привёл.

- Какого лекаря, пошто он мне? Убирайся старый пёс.... и с лекарем то!

- Да ты не ругайся, кобыла несуразная, а отопри. Ведь хворает – ну лекарь тебя освидетельствует, снадобья даст.

Но Наталья молчит, и избы не отпирает.

- Ишь ты идол,- говорит староста, не отпирает, на печи лежит. Видно получше ей стало.

- Ну, не отпирает – нечего делать. Пойдёмте к другому. Как его - Симеоном что ли зовут?

- Симеоном.

²⁴Падог — палка или посох.

Пошли к Симеону. Для этого нужно было воротиться назад к волостному правлению, да от него пройти ещё почти столько же, как до Натальи.

Изба у Семиона оказалось, как следует у зажиточного крестьянина, с крепкими тесовыми воротами, двор огорожен плетнем. Мы вошли во двор через незапертую калитку и поднялись в избу. Дверь в переднюю горницу оказалась отворённой.

- Батюшки светы! - воскликнул староста указывая в передний угол, вот те и Симеон!

Действительно, тот, кто назывался Симеоном, лежал неподвижно, навзничь, на лавке, головой под образа, освещенный тремя тоненькими свечками жёлтого воска, прикреплёнными, с трёх сторон, у головного конца лавки.

Я подошел ближе к покойнику, чтобы рассмотреть его хорошенько. Он был, очевидно, уже «обряжен» – одет в чистую рубаху и порты, из которых высывались голые ноги. Это был мужик лет 35, с небольшой, вьющейся, белокурой бородкой и усами, с тёмно-русыми волосами, подрезанными на лбу и подстриженными на темени в «гуменцо²⁵», как у некоторых сектантов. Лицо усопшего было страшно худо, как будто кожа прямо обтягивала кости. Скулы выпячивались вперёд, щеки валились, нос казался чересчур тонким и длинным, запавшие глубоко серые глаза были полуоткрыты и своими расширительными зрачками как будто упорно смотрели куда-то, в бесконечную даль. Тонкие, бескровные губы не закрывали рта, обнажая блестящие зубы, точно покойник чему-то язвительно улыбался.

Это был первый холерный труп, который довелось мне видеть вблизи; он произвёл на меня очень тяжелое впечатление, почему я и запомнил его так отчётливо.

Пламя восковых свечей, резко освещавшее голову покойника, оставляло в полутени остальное тело, казавшееся от того несоразмерно длинным. Жёлтый цвет свечей, соединяясь с синеватым оттенком кожи, окрашивал её зеленоватым цветом, как бы от начавшегося уже разложения, а между тем, прозрачные еще роговые оболочки глаз блестели как у живого. Это мёртвое, не

²⁵Гуменцо — старинная мужская прическа с выбритой макушкой.

подвижное лицо с живыми глазами и застывшею сардоническую²⁶ улыбкою, навредило какой-то непонятный, детский страх, становилось жутко, мороз подирал по коже.

Мои спутники тоже, по-видимому, чувствовали себя не совсем хорошо: они как-то пугливо жались к дверям и истово молились.

Тишина в избе нарушалась только раздававшимся из разных углов храпением Симеоновых семейных, которые спали как убитые и не слышали, как мы вошли.

Мужицкий труд мало оставляет место горю.

Помолившись на образа и поклонившись покойному, я направился из избы, а за мною и староста с Иваном.

Обратный путь в волостное правление совершили мы в полном молчании. Очевидно, неожиданная смерть Симеона сильно поразила моих спутников. Только уже у самого дома староста разрешился такой эпитафией: «эко, братец ты мой, Симеона - то как скрутило, царство ему небесное! А жаль мужика, хороший был мужик, обстоятельный!»

Хорошие-то люди Богу нужны, - глубокомысленно заметил Иван. Вот Наталья-та не умрет: этих-то и холера не берет.

Очевидно, Иван был не высокого мнения о нравственных качествах Натальи.

Простившись со старостой, я поднялся в волостное правление. Ставив кое-как платье и бросив на лавку свою походную подушку, я лег на неё и уснул как убитый.

Утомленный дорогой и ночными похождениями, я проспал на другой день почти до полудня и спал бы доле, если бы не разбудил Иван, объявивший, что меня давно дожидаются больные.

Действительно, выйдя в сени умыться, я нашел там несколько человек, пришедших посоветоваться насчёт разных «болестей». Очевидно, слух о моем приезде успел уже разнестись по

²⁶Сардоническая — презрительная, злобно-насмешливая.

селу. Но между пришедшими не было ни видно не только холерного, но даже подозрительного.

Осмотрел больных, я снабдил некоторых лекарствами, из бывшего со мной не большого запаса, остальным велел прийти на следующий день, когда должен быть приехать мой фельдшер с походной аптекой.

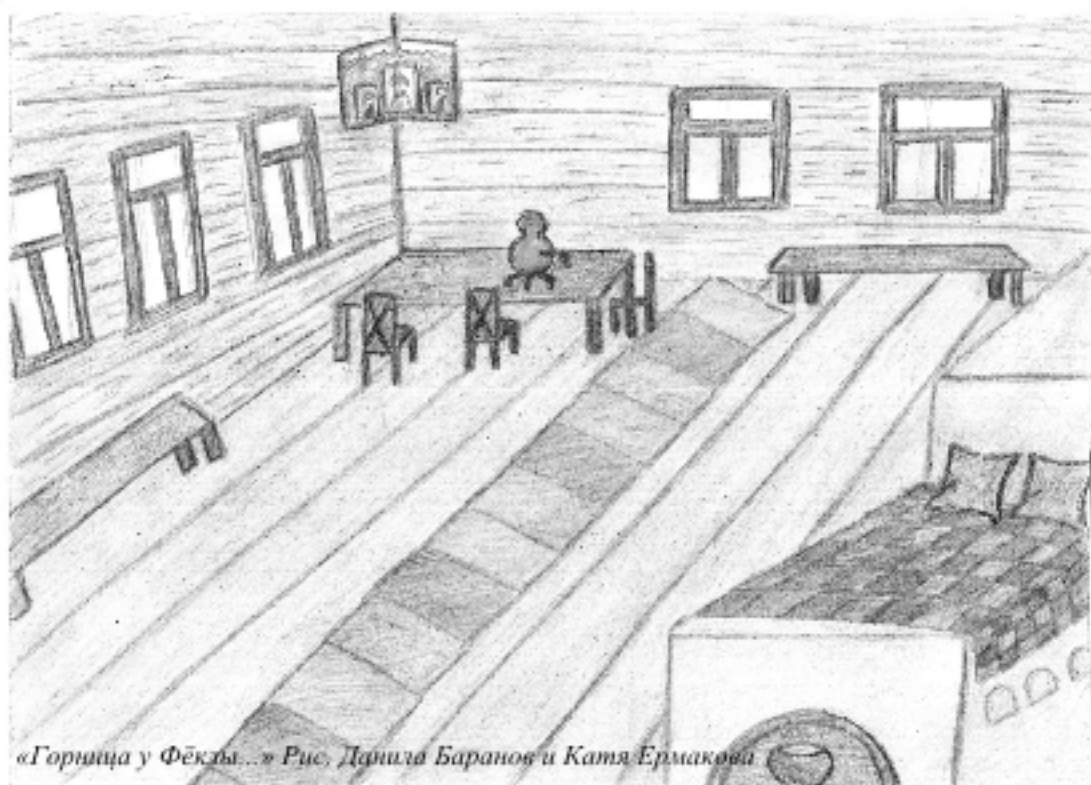
Покончивши с больными, я принялся за чай и, усадив с собой Ивана, обратился к нему с вопросом – где бы мне найти квартиру?

Иван тот час же разрешил этот вопрос, порекомендовав нанять «горницу» у его сестры.

- Изба у ней новая, горница светлая, чистая. Фёкла (сестра) баба смирная, семьи у ей – сама, да девочка, да работник, муж – в городе, в извозчиках. И самовар свой, хороший, медный. Там тебе способно будет. Вот напьемся чаю – сходим. Посмотри - останешься доволен.

Покончивший с чаем, мы отправились к Фекле. Иванова рекомендация оказалось справедливой. Горница у Фёклы была действительно высокая, чистая, светлая – три больших окна выходили на улицу и два - в огород. На право от входа – русская печь, недавно побеленная, за ней небольшая каморка в одно окно, налево коник, лавки около стен, большой стол в переднем углу, и при нём даже два складных стула в виде крестов; в резной образнице несколько совершенно тёмных икон и глиняная каца (кадильница). Таковая была обстановка «горницы».

Цену за неё Фёкла заломила, по юрткульски, невероятно высокую – 10 руб. в месяц и не уступала ни копейки. За эти же деньги, впрочем, она обещал убирать квартиру, готовить кушанье и давать самовар утром и вечером.

Хотя платить 10 руб. за квартиру из пятидесяти рублевого земского жалования было трудновато, но она казалась действительно удобной – расположена почти в середине села, вблизи базара и, как сказано выше, довольно опрятна. Я согласился.

К вечеру приехал мой фельдшер, Терентьев, с походной аптекой. Ему, и его аптеке, я отвёл каморку за печкой. Вечерний чай мы пили уже в новой квартире. К чаю подошел староста, сообщивший, что в селе появились новые заболевания холерой.

На следующий день я встал часов в шесть утра и, отворив окно, увидел около дома десятка два мужиков, баб и детей. Одни сидели на завалинке, другие стояли группами, разговаривая между собой.

Вы что, ко мне что ли?

К тебе, родимый, вот насчёт болестей посоветоваться.

Милости просим, входите.

Больные оказались самые разнообразные, но опять-таки не одного холерного.

Между ними попался старик, лет 60-ти, с раковой язвой на нижней губе. Я предложил вырезать её, больной согласился, и мы с Терентьевым тот час же сделали операцию. Рана на губе зажила в несколько дней, и этот пустой случай быстро установил мою репутацию как хирурга.

Количество приходящих больных возрастало с каждым днём, особенно с различными наружными болезнями. Почти ни одного приема не обходилось без нескольких небольших операций. В то же время, по слухам, росло в селе количество заболевающих холерою. Но эти больные, ни ко мне не являлись, ни к себе не приглашали.

Это меня и удивляло и беспокоило.

Дня через три, после моего поселения у Фёклы, когда она принесла мне обед, я завёл с ней разговор.

Ну что, Фёкла, про холеру слышно?

Хорошего, батюшка, мало. Шибко народ болеет и мрёт дуже много. Вот ныне никак шестерых схоронили.

Что ты!

Верно, родимый, пошто я тебе врать стану.

Так растолкуй же ты мне, пожалуйста, от чего народ от холеры лечиться не хочет? Ведь ты видишь сколько у меня каждое утро больных перебивает. Со всякими болезнями идут, на операции без слова соглашаются, хоть изрежь всего, а холерных не было ни одного.

А разве эту скорбь вы можете лечить! Вот если наружная какая боль – рана там, шишка, али ногу кто сломает, руку вывихнет – это лекарь, который знающий, использует, а она (холера)- Божье насланье, её лечить нельзя, таких средствиев нет!

Всё это Фекла изложила тоном не допускавшим возражений. Очевидно, она была совершенно убеждена в верности своих взглядов.

Впоследствии я узнал, что мнение Фёклы, относительно пределов лекарской компетентности, принадлежит не ей одной и что

она явилась только выразительницей взгляда на этот предмет крестьянства вообще. В самом деле: до введения земских учреждений почти единственным представителями научной медицины в деревнях являлись костоправы да фельдшера, из дворовых²⁷. К ним обращался народ при различных повреждениях, столь частых в деревенском быту и где, для излечения, требовались известные ручные или инструментальные приемы, которыми не обладали ни бабушки повитухи, ни деревенские знахари.

Здесь польза лекарского искусства было очевидна для всякого: сложенный правильно перелом срастался быстро и бесследно, вправленная кость становилась на свое место, зашитая рана заживала, в то время как подобные же повреждения, предоставленные самим себе, вели к неисправимым увечьям, или оканчивались смертью. Но в большинстве внутренних, а тем более повальных болезней, которые считались Божиим наказанием, или влиянием злых духов, лекарское искусство было, очевидно, бессильно. Тут могли помочь разве только молитвы или заговоры, заклинания и другие мистические приемы, лекарям совершенно неизвестные.

Всё это я понял только впоследствии, а тогда, после разговора с Фёклой, я не обратил на слова её надлежащего внимания.

Ну, если холерные не идут ко мне, решил я, - так я сам пойду к ним! И вот, в тот же день, услышав, что недалеко от нас заболел холерою мужик и валяется один в избе, так как вся семья ушла в поле, я приказал Терентьеву захватить нужные лекарства и отправился с ним к больному.

Мы нашли больного действительно одного в избе. Это был человек лет 40, атлетического сложения. Он корчился на полу в приступе жестоких судорог, сопровождавшихся мучительной зевотой. Пол вокруг него был улит извержениями, среди них стояло ведро с водой и валялась какая-то палка.

Давно ли ты заболел? - обратился я к больному.

А тебе на што?

Да я лекарь, пришел помочь тебе.

²⁷Дворовые, дворовые люди — крепостные крестьяне которых использовали как прислугу в доме помещика.

Не надо, уходи!

Больной говорил с трудом, характерным «холерным» голосом.

Как не надо, чудак, ведь помрёшь! Гляди как как тебя корчит.

Молчание....

Тут меня озарила блестящая идея: помочь больному, не смотря на его нежелание. Я шепнул Терентьеву, чтобы он накопал капель в ложку вина и воспользовавшись моментом, когда у больного явилась зевота, быстро вылил ему лекарство в рот. Результат был совершенно неожиданный: больной мгновенно выплюнул мне в лицо всё лекарство, а затем, собравшись с последними силами, схватил палку и пустил ею в меня. К счастью я успел отвернуться, палка задела только вскользь по ноге, на которой образовалась довольно значительная ссадина и глубокий кровоподтёк, заставившие меня хромать около недели. Этот случай сразу отбил охоту лечить больных, несмотря на их нежелание.

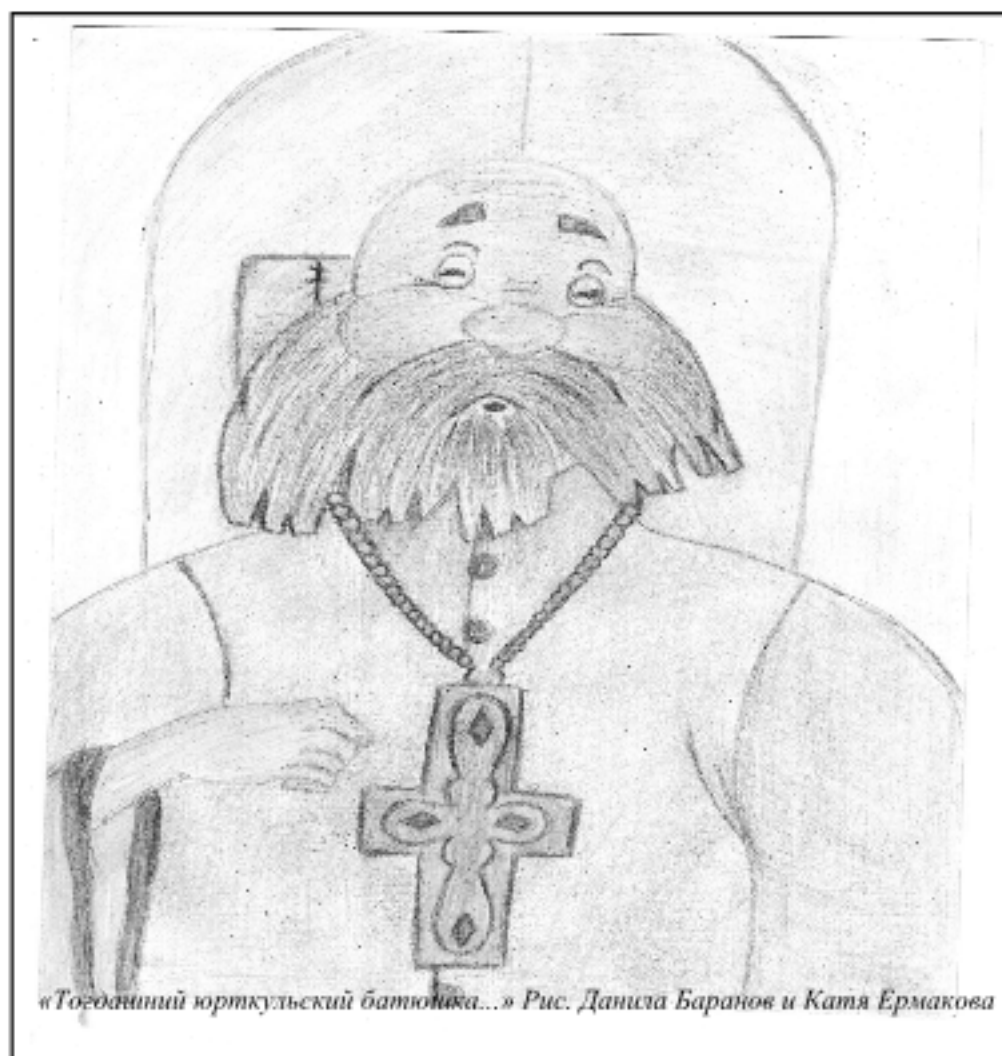
Однако что же было делать? Холера усиливалась: в день заболело человек по 15, даже более и большая часть заболевших умирала. Необходимо было, каким-либо образом, убедить население в необходимости лечиться.

Раздумывая о том, как это сделать, я остановился на мысли, что всего лучше будет просить местного священника повлиять на народ пастырским словом. Я отправился к священнику.

Тогдашний юртульский батюшка был низенький, кругленький старичок, с большою, лысой головою, сидевшей на короткой шее. Широкое, круглое лицо его украшалось мясистым носом, покрытым сетью синеватых жилок, маленькие глазки слезились и постоянно моргали.

Принял меня он очень радушно, но моя просьба привела его в большое смущение. Сначала он колебался – где и как её выполнить? «Если произнести слово в церкви, то нужно ждать несколько дней – до воскресенья, да ещё много ли придёт богомольцев? Время рабочее, а народ у нас, добавил батюшка, к церкви божьей не очень прилежен, – больше раскола

придерживается, у себя по избам да по клетям церковные службы правит²⁸».

Так вот что батюшка, предложил я, - соберите сход, на нём вы своё слово и произнесёте.

Но перспектива проповеди на сходе, очевидно, нравилась ему ещё менее.

Нет, знаете, господин доктор, на сходе — то оно того, неуместно. Народ у нас, говорю я вам, дикий, грубый. Я его как пастырь от Писания вразумлять стану, а он, с дуру то, кто его знает, что ляпнет...

Полноте, батюшка, что же он ляпнет? Да если кто и скажет какую глупость, так разве стоит на это обращать внимание.

²⁸Речь скорее всего идет о старообрядцах-безпоповцах или Спасовом согласии.

Так-то так, а все же в церкви то лучше бы. Мужички там себя приличнее держать станут. – Знают, что в храме Божьем безобразничать нельзя.

Да ведь вы сами говорили, что в церкви можно произнести слово не раньше воскресенья; нынче вторник, стало быть ждать нужно будет ещё пять дней, а холера с каждым днём усиливается. Но если мы, несмотря на это, будем ждать до воскресенья, а народ в церковь не придёт, кому же слово то вы произносить будете? Сход же собрать можно хоть завтра.

Долго пришлось мне убеждать батюшку относительно выгоды произнесения слова на сходе. Прием этот ему крайне не нравился и, как увидим ниже, не без оснований. Наконец он согласился, послав за старостой, и приказал ему собрать сход на завтра, пораньше утром.

Часу в шестом утра, на следующий день, явился ко мне на квартиру староста с приглашением от батюшки – пожаловать на сход.

Подходя к священническому дому, мы увидели довольно значительную толпу людей, стоявшую около него. Батюшка сидел у окна и, увидев нас, тотчас же вышел на улицу. Народ собрался в кружок, впереди, по обычаю, стали старики. Священник вошёл середину кружка, пригласив меня за собою. Сняв свою шляпу, он поклонился сходу, сход ответил ему тем же, затем начал свое слово, приблизительно в таких выражениях:

Христиане православные! Господь Бог, в гнев своем, за грехи наши, послал на нас тяжкую болезнь – холеру. Немало уже умерло от неё, ещё больше по сейчас болеют, а поветрие не токмо не прекращается, а с каждым днём усиливается. Но не до конца изливает Господь ярость свою на людей своих: посылая болезни он шлёт и врачей, умудряя их пользоваться те болезни, помогать страждущим. Итак, Бог не оставил вас совсем без помощи – послал врача. Но вы не только к больным своим его не зовёте, а ещё дерзостно гоните, когда он, жалея их, сам, без зову, идёт в дома ваши. Опомнитесь православные, подумайте, что вы делаете! Я знаю – многие из вас говорят: «лечится грех!» – Не лечится грех, а допускать умирать людей без помощи. Сам Господь сказал: «ищите врачи ваша»...

В этот момент речь батюшки была прервано самым неожиданным образом: в кружок ворвался какой-то мужичонко, в рваном полушубке, босиком, со всклокоченными волосами. Он был так пьян, что с трудом держался на ногах. Подойдя к священнику, он хлопнул его по плечу и дал такой совет:

Полно тебе батька.... языком то мотать, иди-ка лучше к поп...падье пир...роги есть!

Озадаченный этой выходкой священник несколько мгновений стоял как окаменелый. Затем, с укоризной взглянув на меня, он развёл руками, как бы говоря – вот видите, что вышло! И, опустив голову на грудь, забывши покрыться шляпой, поплёлся к своему дому.

Справедливость требует сказать, что сход отнёсся очень сурово к нарушителю порядка и если-бы какие-то приятели не подхватили мужичоку под руки и не вытащили из толпы, – ему бы досталось плохо.

Пьяницу увели, но сход, пораженный происшедшим, не расходился.

Считая этот момент благоприятным чтобы разъяснить народу необходимость рационального лечения холеры, я начал излагать, насколько мог понятнее, течение и признаки этой болезни. Я указал, что холера начинается, обыкновенно поносом, который можно легко вылечить, всем им хорошо известными средствами, каковы: горячий отвар мяты, красное вино, сок из маковых головок и прочее, что если этот понос оставить без лечения, запустить, то к нему присоединяется другие, уже более тяжкие припадки – рвота, судороги и прочие, гораздо труднее поддающиеся лечению, что если и при этом больные остаются без надлежащей помощи, то большею частью умирают, в два – три дня, что стало быть, холера болезнь скоротечная и её нужно торопиться захватить в самом начале.

Покончив эти объяснения я обратился к присутствующим с вопросом: поняли ли они меня?

Как не понять, поняли.

Ну так как же, станете ли лечиться?

Молчание....

Да вы, братцы, скажите прямо. Не хотите лечиться – ваше дело. Я сегодня же напишу в Управу, чтобы меня уволили и уеду. Даром получать ваши деньги я не хочу.

Пошто уезжать, оставайся! Коли кто тебя позовёт – лечи, мы не препятствуем, а без зову по дворам не ходи!

Коли кто позовёт! Да в том-то и дело, говорю я с досады, - что никто не зовёт, а холера день ото дня сильнее народ валит.

Снова молчание. Я осматриваю сход: передние старики стоят «уставля брады», но в задних я замечаю движение. Какой-то молодой парень порывается пробраться в середину кружка, окружающие его удерживают.

Ты что-то хочешь сказать? обращаюсь я к парню, - скажи, не бойся! Я ведь не начальник вам, со мной можно говорить всё, без опаски.

Не слушай ты его, ваше благородие, пустяки он болтает, - слышится из задних рядов. Парень, по-видимому, обиженный этими словами, быстро расталкивает мужиков, подходит ко мне и задает такой вопрос: «ведь вы чай от помещиков подкуплены – нас морить, холеру пущать?»

Как халеру пущать... Куда?

Да кто вас знат куда, – в колодцы там, али в реки.

Я озадачен и несколько секунд решительно не нахожу что сказать. Но вдруг меня осеняет вдохновение и я, в свою очередь, обращаюсь к парню с вопросом:

Скажите мне пожалуйста, сколько у вас здесь душ?

Нас то? - переспрашивает парень, очевидно недоумеая – зачем я ему задал такой, по-видимому, не относящийся к делу, вопрос.

Да, вас то.

Нас то – душ пятьсот с лишком.

А сколько вы с помещика за обработку десятины берёте?

Что берём – пустяки – всего-то по три с полтиной.

Ну так ты сообрази: вас теперь пятьсот, положим, душ и вы берёте по три с полтиной, а если половину вас от холеры перемерёт...

Что ты – перемереть!..Ишь какое слово ляпнул!...Типун тебе на язык! - перебивают меня мужики.

Да ведь от слова не сделается, я говорю так к примеру. Из пяти то сот если останется двести, тогда вы почему помещиков за десятину возьмёте?

Тогда мы, так их... десяти рублёв не возьмём!

Ну вот видите! Разве помещики то глупее вас? Чем вас, дураков, больше тем им выгоднее. Зачем же они морить вас станут, да ещё деньги за это платить?

На этот раз озадачен сход и молчит, не находя возражений на мои слова.

Ну как как же, братцы, на чем порешите? - прерываю я молчание.

Мы что же... мы тебе не препятствуем, коли кто тебя позовёт — лечи...

Да это я знаю слышал.

А сам, таперича, к примеру, без зову, по домам не ходи, не согласны!...

Очевидно, рассуждать далее было бесполезно. Я отправился домой и тотчас же послал в уездную земскую управу бумагу, в которой, описав ход эпидемии, насколько она была известна мне по слухам, и, указав на решительное нежелание крестьян лечиться от холеры, просил уволить меня от должности.

Через день в Юрткули явился местный исправник, чтобы убедить крестьян в необходимости лечиться. Побывав у священника, который передал ему о наших неудачных переговорах с миром, исправник собрал новый сход, пригласив на него меня и батюшку.

Потрудитесь, батюшка, обратился он к священнику, как бы ничего не зная о событиях третьего дня, - вразумить их своим пастырским словом.

Пытался уже, ваше высокородие, вот в присутствии господина доктора пытался, а за сим и они убеждали, но тщетно...

Как, вскричал ужасным голосом исправник, - вы своего пастыря духовного не слушаете! Говорят, что кто-то из вас господина доктора не только из избы прогнал, ну даже оскорбил его действием! Да вы что такие сякие бунтовать, что ли вздумали? Так смотрите: вы меня знаете, расправа у меня короткая. Я вас в бараний рог согну, туда упеку, куда Макар телят не гонял и пр. и пр...

Несмотря на эти ужасные обещания, сход оставался совершенно покойным. Очевидно, мужички действительно хорошо знали исправника и давно привыкли к его гиперболическим угрозам.

Ну смотрите же, закончил свою энергетическую речь исправник, - лечитесь! Зовите господина доктора, да кланяйтесь ему ниже, чтобы он вас, дураков, не оставил.

Теперь не беспокойтесь, обратился он ко мне, отведя в сторону, - я их. пугнул, лечиться будут. До свидания, доктор, прощайте батюшка!

Исправник вскочил в свою тележку, сытая тройка подхватила с места в карьер, колокольчики залились малиновым желанным и начальство исчезло в облаке пыли...

Но и внушение страшного исправника помогли делу также мало, как и наши с батюшкой: юрткульцы умирали от холеры, но лечиться у меня не хотели.

Пишу опять в управу, прошу уволить меня немедленно, угрожая, в противном случае, уехать из Юрткуль без разрешения.

Через день, после обеда, является ко мне человек в полицейской форме и рекомендует местным становым приставом. Это был блондин, вершков шести роста, с богатырской грудью и большой, совершенно круглой, остриженной под гребенку, головой. Сильно загорелое лицо его было, несомненно, красиво: правильный, прямой нос, прекрасные белые зубы, большие серые глаза, светлые с золотистым отливом, выющиеся кольцами, усы и такого же цвета, пушистые бакенбарды, спускавшиеся почти до половины груди, всё это, с первого взгляда производило приятное впечатление. Но это впечатление исчезало, при более внимательном осмотре. Лоб был слишком низок и как будто срезан на висках, нос, сильно сжатый с

боков, напоминал клюв хищной птицы, зубы были слишком часты и блестящи, серые навывкате глаза отливали каким-то металлическим блеском и казалось, могли смотреть, не моргнув на самые жестокие вещи. Вся фигура красавца – станового внушала мысль о большой физической силе, но вместе с тем и о холодной, беспощадной жестокости.

Я явился к вам, господин доктор, услышав о ваших неприятностях с нашим народом, заявил становой. Очень сожалею, что вы не обратились прямо ко мне с самого начала, вместо того чтобы сходы собирать, да бумаги в управу писать. Я бы устроил дело без замедления.

Пожалуйста, извините, что я не был у вас, но когда я приехал в Юрткули, мне сказали, что вы в отъезде, а потом, за неприятностями, о которых вы упомянули, я, каюсь, совсем забыл о своих обязанностях относительно предрежащей власти.

Помилуйте, да я говорил совсем не в том смысле, возразил, несколько сконфуженный становой. Мне только очень прискорбно, что у меня, в Юрткулях, вам пришлось вынести столько неприятностей. Но теперь не беспокойтесь — дела пойдут как следует! Завтра, пораньше, соберём сход, я потолкую с мужичками, и, поверьте моему слову, - не позже следующего дня у вас будут пациенты!

Поговорив еще несколько времени о разных разностях, мы расстались.

На другое утро, часу в шестом, меня разбудил полицейский, явившийся от станового с приглашением пожаловать на сход. Идти было недалеко, – любезный становой назначил его около моей квартиры. Одевшись наскоро и выйдя на улицу, я увидел известную уже мне картину: юрткульцы стояли кружком, старики впереди, молодые сзади, но в ней было и нечто новое – по обе стороны улицы стояло по конному стражнику. Через несколько минут на другом конце улицы послышался треск колес, и взвилось облако пыли. Весь сход, как один человек, обратился к этому облаку, из которого вылетел, на беговых дорожках, становой, а за ним ещё два конных стражника.

Мгновенно, словно по команде народ обнажил головы.

Становой осадил своего серого жеребца, в нескольких шагах от схода. Один из стражников соскочил с лошади, чтобы принять от него вожжи.

Сойдя с дрожек, становой подошел ко мне и, грациозно откозыряв, справился о здоровье. Затем, обратясь к сходу, ласково произнёс: «здравствуйте братцы, здравствуйте!». Мужики низко кланялись.

Станьте-ка вот так, полукругом, чтобы мне всех вас видно было.

Народ расположился полукругом, лицом к моей избе, около которой, рядом со мной, встал становой. Стражники расположились по периферии этого полукруга.

Что это, братцы, начал становой, – слышу я, что вы лечиться от холеры будто не желаете, что вас и священник и господин доктор уговаривали, даже господин исправник беспокоился, приезжал и всё никак урезонить не могли? Ну, я разговаривать с вами не буду! К первому, кто захворает, да доктора не позовёт, я приеду сам и влеплю 25 нагаек, тогда посмотрим – будет ли он лечиться?

Сход молчит. Проходит несколько секунд.

Что же вы, старички, ничего не говорите, али лечиться надумали? - спрашивает с усмешкой становой.

Пошто уж и к доктору ходить, коли ты сам хворых нагайкой лечить будешь,- неожиданно раздаётся из задних рядов, хриплый голос того самого пропойцы, который на первом сходе обидел священника.

Становой вздрогнул, как боевой конь, слышавший звук трубы.

Кто это сказал? - рявкнул он громовым голосом, и в этом голосе слышалось какое-то торжество.

Старики? Кто сказал?... говорите! Он зорко обвёл глазами сход, как бы всматриваясь в лица, чтобы узнать говорившего, хотя я был уверен, что он, подобно мне, отлично видел и слышал пропойцу. Старики молчали.

А.... а.... вы молчите, своих горлопанов выдавать не хотите, отлично! Казаки! Взять (таких-то) на станковую квартиру!

Два стражника соскочили с лошадей и вывели из рядов четырёх мужиков.

Становой молча раскланялся со мной, сел на дорожки и уехал. За ним тронулись и арестованные, под конвоем стражников.

Такой неожиданный исход дела положительно ошеломил толпу и арест совершился без малейшего признака сопротивления. Прошло несколько времени прежде чем она опомнилась и вполне уяснила себе случившееся.

А ведь это всё Егорка, подлец, наделал, - вдруг послышался голос.

Известно, Егорка. В прошлый раз попу нагрубил, ныне становому. И добро бы хозяин был как следует, а то - пропойца, анафема, и больше ничего! - подтвердил другой.

Да где он, так его...., шею ему свернуть с-у с-у, чтоб міру не пакостил.

Убить его мало за экое дело!...

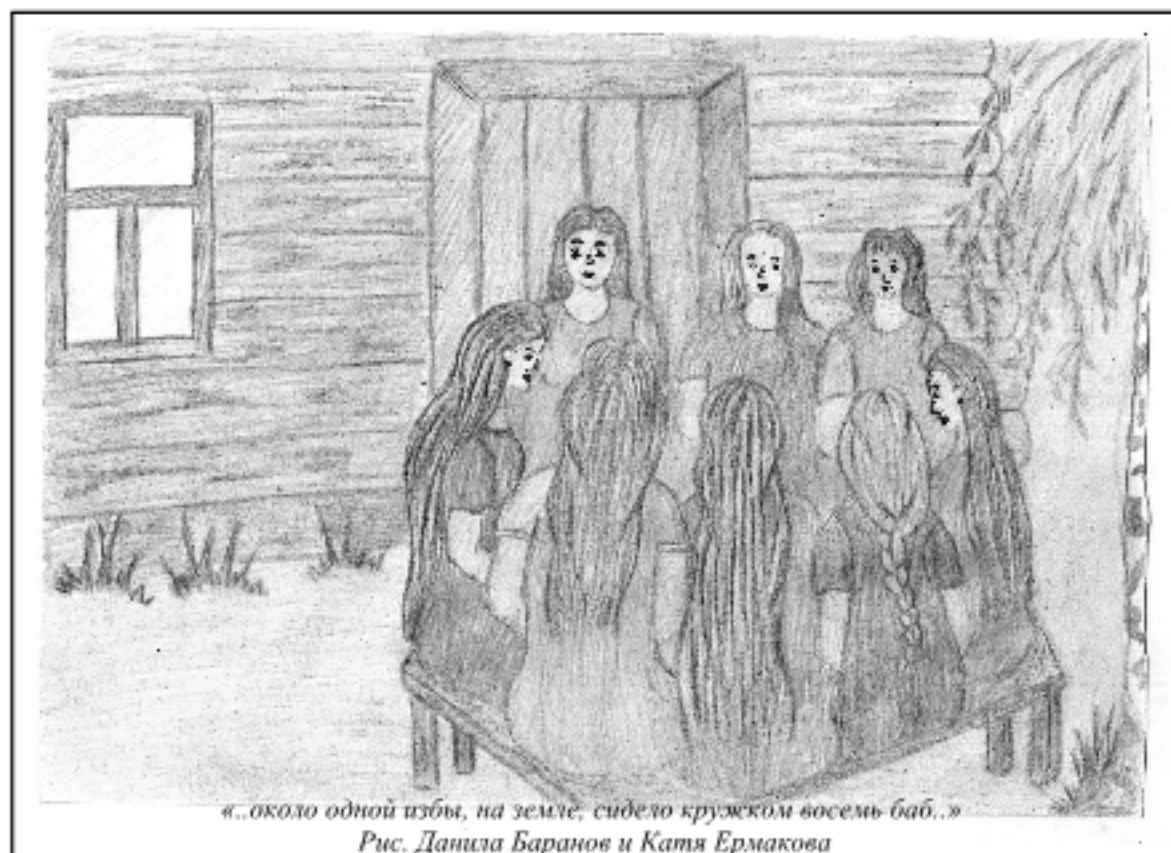
Раздражение толпы росло с каждой минутой, раздавались самые невероятные ругательства, ужаснейшие угрозы. Кричали все разом и гул этой разноголосной толпы был действительно страшен. Ей, очевидно, требовалось на ком-нибудь сорвать злость, и не видать бы Егорке свету белого, если бы он не догадался загодя, потихоньку улизнуть со схода.

Вечером, в этот день, я пошёл прогуляться по селу. Перед окнами моей квартиры был огромный пруд, разделённых, почти пополам навозной плотинной. Взойдя на эту плотину, я услышал какое-то жалобное пение, напоминавшее причитание по покойнику и раздававшееся с одной улицы, за плотинной. Заинтересовавшись – кого и кто оплакивает, я завернул в эту улицу и увидел следующую картину: около одной избы, на земле, сидело кружком восемь баб, все они, как одна подперли правыми руками подбородки, а левыми – придерживали локти правых и плавно раскачиваясь взад и вперёд, точно известные китайские куклы, завывали что-то, самыми жалобными голосами. Остановившись так, чтобы не быть

замеченным, я старался разобрать слова причитания и, к величайшему удивлению, услышал следующее:

«отошли наши красные дни,
Закатилось наше светло солнышко,
Приехали лекаря нас несчастных морить...»

Таким образом, нелепое обвинений, предъявленное мне несколько дней назад, на сходе, которое, казалось, я опроверг столь блистательно, облеклось уже в поэтическую форму причитания по поводу якобы угрожающего всему населению бедствия!

Долго я не спал в эту ночь, размышляя, что делать далее. Очевидно, доверия к себе не внушишь никакими сходами и разговорами, а, не пользуясь им, оставаться на месте было бы и бесполезно и нечестно. Не положиться же, на самом деле, на обещание станового и сидеть, выжидая событий. Нет, решил я, довольно заниматься пустяками, завтра уеду из Юрткуль!

Но этому решению не суждено было осуществиться. Оказалось, что молодец-становой выполнил своё обещание: пациенты у меня явились, скорее, чем можно было думать.

Часа в четыре следующего утра разбудил меня Терентьев, объявивший, что пришли просить к холерному больному. Мне это показалось так невероятно, что я выругал, спросонок, фельдшера за глупую шутку и собирался заснуть снова.

Да помилуйте, Николай Фёдорович, разве я осмелюсь шутить! Ей-богу зовут-с, вот этот самый паренёк, - уверял Терентьев.

Тут я действительно увидел паренька, который усердно кланялся и действительно просил – не оставить, хвораго посмотреть.

Ну, виноват, Терентьич, извинялся я, торопливо одеваясь. Я ведь серьёзно думал, что вы пошутили. Захватите-ко с собой нужные лекарства, да и пойдём!

Дорогой я разговорился с пареньком.

Тебя как зовут?

Меня-то? – Пётрой.

Кто же у вас захворал?

Да брательник мой.

Давно ли?

Вчера, вечером.

Так что же ты, чудак, раньше не пришел?

Да думали так, мол, пройдёт....

Пришли в избу. На лавке около окна лежал кто-то, завернувшись с головой в старый, драный полушубок.

Вот он, хворый-то, указал Пётр. Тишка! Встань-ко, тебя дохтур посмотрит. Да встань-же, голубчик!

Полушубок зашевелился, и из-под него поднялось какое-то существо, до такой степени чудовищное, что я отскочил от него в ужасе. Опамятовшись несколько и приглядевшись к больному, я распознал в нём идиота с маленьким, сморщенным, обезьяньим лицом, покрытым множеством шишкообразных наростов различной

величины, густо усеянных тёмными, шерстистыми волосами. Голова оказалась несоразмерно большой, но это зависело от того, что от низкого, покатога сильно взди, лба Тишки шла толстая кожная складка, закрывавшая всю голову и боковые части лица и оканчивавшаяся сзади свободным краем, почти на уровне плеч. Складка эта, напоминавшая головные уборы древних египетских статуй, была усеяна, как и лицо, множеством покрытых волосами шишек, величиной от горошины до куриного яйца. Одни из этих шишек только выступали, более или менее из-за поверхности складки, другие – свободно свисали на стебельках и ножках различной длины и ширины. Свободные участки кожи, между шишками, были окрашены тёмным пигментом различных оттенков.

Это страшная голова сидела на низком, жирном, неуклюжем туловище.

Понятно, что на свежего человека фигура Тишки должна была произвести действительно ужасающее впечатление.

Из расспросов окружающих (сам больной произносил только какие-то непонятные звуки) я узнал, что он занимает должность свиного пастуха и это дело исполняет довольно исправно. Вечером, накануне, он припелся домой с поля уже больным. В течение ночи его много слабило, рвало, наконец появились судороги в ногах.

Мы провозились с ним целое утро. Часам к 11 он уснул, вскоре вспотел и через три дня был на ногах.

Когда Тишка находился уже вне опасности, заболела холерой его сестра – девушка лет 16. Под влиянием соответствующего лечения и она скоро поправилась. За нею захворала старуха бабушка, 60 слишком лет. У ней холера перешла в тифоид. Случай был, по-видимому, совершенно безнадежный, к счастью и он окончился благополучно.

Эти три случая излечения, казалось, пробили лёд между мной и юрткульцами, - у меня вдруг появилась масса больных. В течение двух последних недель августа и первую неделю сентября я пользовал от холеры более ста человек.

К половине сентября болезнь стала явно ослабевать и концу его прекратилось.

Впоследствии оказалось, что главными виновниками такой перемены настроения в юрткульском населении были: во-первых, становой, а во вторых, и главным образом, Пётр.

Я забыл сказать что Пётр, идиот Тишка и хворавшая холерой девушка, их сестра, были дети того самого «хромого Семиона», которого мы нашли мёртвым при первом обходе.

Излечение трёх родных вселила в Петра глубокую уверенность в моем искусстве, и он сделался моим горячим приверженцем и защитником. Услыхав о заболевании кого-либо из своих односельчан, Пётр отправлялся к больному и употреблял возможные средства, чтобы убедить, как его, так и родственников в необходимости лечиться у меня. Он и упрашивал, и уговаривал, и угрожал пожаловаться становому, словом не отставал до тех пор пока не получал согласия, а тогда он с торжеством летел ко мне и вёл к больному.

Это, конечно, быстро сблизило нас, и я горячо полюбил умного энергичного юношу. Он, по-видимому, платил мне такой же привязанностью.

Петру только что минуло 17 лет. Это был красивый парень – высокий, стройный с тёмно-русыми, слегка вьющимися волосами, и голубыми глазами, смотревшими умно и смело; на сильно сгоревшем лице его едва пробивался первый пушок.

Оставшийся после смерти отца главой семьи он сразу повел крестьянские дела как опытный, старый хозяин.

Однажды, когда эпидемия значительно ослабла, Пётр зашёл ко мне вечером. Фёкла подала самовар, я предложил ему напиток со мной чаю, он охотно согласился. За чаем мы разговорились.

А знаешь ли ты, Николай Фёдорович, отчего у тебя наши лечится стали?

Нет, не знаю.

Ну, так я тебе скажу, только ты, пожалуйста, никому не калякай, меня не выдай.

Заручившись от меня обещанием «не калякать²⁹», Пётр рассказал следующее.

²⁹Калякать — разговаривать, говорить.

Арестовав на сходе четырёх, наиболее состоятельных домохозяев, становой велел запереть их до обеда «в темную», а пообедав - высек – дал каждому по 20-ти розог и приказал: во-первых, принести себе по 25 рублей, а во-вторых, приглашать меня немедленно к каждому заболевшему, пригрозив, что если это последнее приказание не будет исполнено, то он снова вызовет к себе тех же стариков, «всыплет каждому по 40 возьмёт уже по 50».

После такого «внушения» становой отпустил старичков с миром по домам.

Внушение им, очевидно, весьма не понравилось. Уверенность, что становой, в случае послушания, выполнит в точности всё обещанное, заставила мужиков крепко призадуматься над тем, как поступать дальше.

В этот же день, вечером они собрали тайный сход за деревней. Долго рассуждали мужики о том, что делать – «Звать дохтура к холерным – уморить безпеременно, не звать - становой заперет и разорит в конец». Выходило так, что куда ни кинь - везде клин!

Наконец одного из присутствующих осенила такая блестящая мысль:

Братцы! Да ведь у нас, слышь, Тишка – дурак ей захворал.

Ну?

- Ну, так вот что: позовём дохтура к нему. Тишка міру³⁰ какой слуга, чаво он стоит? – Грош вся цена ему. Коли дохтур Тишку вылечит – ладно, хорошо, значит и впрямь, он может эту болезнь лечить, а не вылечит – туда Тишке и дорога, а насчёт дохтура тогда посмотрим...

Такое мудрое решение проклятого вопроса очень понравилось сходу.

Верно! Это ты Миколай правильно! Ай, спасибо – научил мір... Пушай, ребята, дохтур Тишку лечит, вылечит - хорошо, не вылечит - видно будет...Ступай Степан к Петрушке, скажи: мір, мол, велел к Тишке дохтура позвать.

³⁰Мір — крестьянское общество.

И вот меня позвали к Тишке.

Таким образом, несчастный идиот сделался, неведомо для меня, тем единственным белым шаром, который мне предстояло вытащить из сотен чёрных. К счастью я его вытащил, и дело было выиграно. Что было бы, если бы Тишку вылечить не удалось, – не знаю, но думаю – хорошего мало!...

Тому же Петру я обязан и знакомством со знаменитыми икрой и настойкою, которые были привезены кабатчиком из Майны.

Разговорившись как-то с Петром о том, с чего началась холера в Юрткулях, я сообщил ему слухи относительно кабатчика. Среди переживаемых треволнений я совсем забыл о них, да кроме того полагал, что ни икры ни настойки давно не существует.

Что ты, кабатчик и сейчас их продает, заявил Пётр.

Может ли быть? И мужики покупают?

Известно, покупают, сам видел. А поглядел-бы ты, Николай Фёдорович, что это за икра – гниль одна и душище от неё – страсть!

А настойку холерную продает?

Как же, продает, только насчёт её он бережется. Ему, слышь, настойку-то эту продавать нельзя, так он её не выставляет, прячет на верхней полке, за другими бутылками.

Так нужно эти вещи сейчас уничтожить.

А как ты унистожишь?

Ну, это дело простое. Скажу становому: слышал, мол, что в кабаке гнилая икра, да настройка какая-то холерная продается, надо их уничтожить, возьму его да понятых, составим акт, икру выбросим, а настойку выльем.

А как становой спросит: кто тебе про это сказал?

Не бойся – не спросят, а и спросит, так разве я тебя выдам?

Я отправился к становому и передал ему дошедшие до меня слухи, конечно, не упоминая об их источнике.

Ах, каналья, этот кабатчик. Давно уж я до него добираюсь, подлец отчаянный! Очень благодарен, что сказали, - говорил становой, торопливо надевая форменный сюртук. Пойдёмте.

Пошли, взявши с собой «казака», по дороге захватили двух мужиков в качестве понятых.

Кабак помещался, как говорится - на юру, особняком, около довольно глубокого оврага.

Кабатчик сильно смутился нашим приходом, но старался не показать этого и, поклонившись становому, спросил:

Что угодно вашему благородию?

А покажи-ко нам, любезный, какую икру да настойку ты продаёшь?

Предательская икра, в кадочке, стояла на окне, за стойкой, и скрыть её было невозможно.

Икру.. икру мы, ваше благородие, не продаём, а подаём только на закуску, коли ежели кто пожелает. Икра известно – солёная,- бойко заговорил кабатчик.

Ладно, ладно, кажи.

Кабатчик выставил кадочку на стойку.

Много я видел мерзостей, которыми кормили народ, но ничего подобного не видывал. Икра была щучья, посолили её, очевидно, когда она уже сильно «тронулась», так как большее часть икрянок лопнула и вся её масса представляла нечто подобное густой, буро-зеленоватой мази с отвратительным, гнилостным запахом. К этой разложившейся гадости были примешаны сор, мочалки, мёртвые мухи и т.п.

Хороша икра, нечего сказать, вымолвил «сверкнув очами» становой. Ну, теперь настойку покажи.

Настойки у меня, ваше благородие, есть разные. Какую прикажете? Вот перцовка, горькая...

Да ты, каналья, зубы мне не заговаривай, я тебя не про горькую спрашиваю. Холерной подавай!

Такой у нас, ваше благородие, не имеется.

Не имеется? ах ты.. Казак! Поищи-ка вон там на полках, за бутылками.

Кабатчик остолбенел. Очевидно, он никак не рассчитывал на то, что секрет его известен.

Казак быстро оглядел ряд бутылок, стоявших на полках за стойкой, вскочил на подоконник и вытащил из угла четвертную бутылку с тёмною жидкостью.

Стакан! - скомандовал становой.

Стакан подали. Становой налил в него из бутылки, попробовал, плюнул с видимым отвращением и передал стакан мне – «попробуйте доктор».

Я попробовал. Жидкость имела действительно отвратительный сладковато-горький, слегка вязущий, вкус и сильно жгла во рту. По-видимому, она состояла из смеси красного, церковного вина и плохой перцовки, сильно разбавленных водой.

Это что-ли холерная-то настойка? - обратился становой к понятным. Пили её?

Должно она самая. Пивали, как же... глотку страсть дерёт, ответил один из них.

Ладно, бери кадку и бутылку, иди за мной!

Становой направился из кабака, мы за ним.

Вали икру в овраг, настройку лей туда же, - приказал становой. А ты, любезный, обратился он к кабатчику, зайди-ко ко мне сегодня вечером, мы с тобой потолкуем.

Слушаю, ваше благородие, - отвечал упавшим голосом кабатчик.

Как и о чём «толковал» становой с кабатчиком, осталось мне неизвестно. Знаю только, что никакого акта о найденном нами в кабаке составлено не было, да я и не заботился об этом. Вредные продукты были уничтожены, чего же больше?

Дней через пять опять забегает ко мне Пётр и что-то лукаво улыбается.

Здравствуй, Николай Фёдорович! Вы, слышь, со становым, в кабаке были, икру с настойкой уничтожали?

Верно.

А ведь кабатчик-то ими опять торгует.

Как торгует!?... Да откуда же он их достал, разве опять в Майну ездил?

Зачем ездить... Икру, что вы под овраг свалили, он собрал, а настройки у него ещё больше того есть, что вы вылили.

Да ты шутишь, Пётр? Неужто мужики эту игру есть останутся?

Пошто шутить. Напьются – разве разбирают.

Ну, подлец-же кабатчик, действительно. Надо опять кабак осмотреть. За это уж на этот раз я его не пощажу, непременно акт составлю и потребую закрыть кабак.

Ахт, ахт... да где ты у него что найдёшь? Он брат ноне умный стал – икру-то с настойкой прячет.

Прячет? А куда знаешь?

Знаю. – У него под кабаком подклеть устроена, лаз в неё в полу, под стойкой проделан, с крышкой. Этот лаз он рогожкой закрывает и на ней сам стоит. Коли не знаешь не за что не догадаешься. В той подклети и прячет.

Да ты как это узнал?

В кабак ходил, нарочно бутылку пива спросил, сам видел.

Ай-да Петруха, молодчина ты у меня, спасибо!

Я отправился опять к становому.

А, доктор, редкий гость, милости просим, садитесь. Не хотите ли чаю, закусить?

Нет, благодарю, я к вам по делу.

Все по делу только, а нет чтобы так зайти - в картишки поиграть, чайку напиться, побеседовать. Гордый вы, с нами, простыми людьми, якшаться не желаете.

Бог с вами, какая гордость! Ведь вы же хорошо знаете – до гостей ли мне было, – больные. Вот потише будет холера – побеседуем.

Ну ладно, ладно. Дело-то какое у вас?

Я слышал, что кабатчик опять икру с настойкой продает.

Пустяки, вздор, не может быть! Да и откуда бы он их взял?

Я рассказал становому переданное мне Петром, конечно опять умолчав о том, от кого получил эти сведения.

Да откуда вы все знаете? У вас здесь, кажется, целая полиция завелась, да ещё лучше моей. Мои подлецы ничего не знают, по крайней мере мне ничего не доносили, - сказал становой, с худо скрытой досадой.

Откуда я знаю – извольте умолчать, а за достоверность сведений ручаюсь.

Ну, если, это так – я его рракалию³¹ в остроге сгною!

Это там ваше дело, но если мои сведения кажутся верными, – кабак- то нужно будет закрыть.

Закроем-с, не беспокойтесь. Казак! Письмоводителя сюда, старосту, понятых.

Через полчаса я, становой, его письмоводитель, сельский староста и трое понятых входили в кабак.

На этот раз кабатчик встретил нас совершенно спокойно.

Ах ты, прохвост, опять своей икрой торговать начал? - крикнул на него становой.

Что вы, ваше благородие, да где же я её возьму? Ведь сами надысь³² приказали икру-то в овраг вывалить, - отвечал, не сморгнув, кабатчик.

Так не продаёшь?

³¹Ракалия — (устар.бран.) - негодяй, мерзавец, подлец.

³²Надысь — на днях, недавно.

Никак нет-с, помилуйте...

И настойки у тебя больше нет?

И настройки нет – вылить изволили.

Становой направился за стойку. Пол был действительно покрыт рогожей. Он осмотрел все полки, заглянул под стойку, постучал зачем то пальцами в стоявший на ней пустой бочонок, как бы подозревая - не в нём ли спрятаны запрещенные товары. Кабатчик вздыхал, пожимал плечами, и покачал головой, как человек, обиженный несправедливыми нападками, но не смеющий заявить об этом.

Наконец становой вышел из- за стойки, видимо утомлённый и разочарованный. Кабатчик, тотчас заметивший неловкое положение начальства, нашел удобным им воспользоваться.

Вот, ваше благородие сами осмотрели, – ничего нет! Напрасно это вам про меня злые люди наплели,- плакался кабатчик, окидывая меня яростными взглядами. Бедного человека, конечно, трудно ли обидеть! Прежде действительно, не знавши, торговали, точно, а теперь пам-ми-лл-уйте... да Господи, раи мы оглашенные какие что ли?...

Да - да, точно... подтверждал, как будто в рассеянности над чем то сильно задумавшись, становой и направляясь снова за стойку.

А это у тебя рогожка тут зачем?

Рогожка... она... для тепла ...

Для тепла, так. Казак! Сними-ко рогожку. Кабатчик помертвел. Торжествующее лицо его мгновенно вытянулось. Он инстинктивно метнулся за стойку, но казак ловко оттолкнул его локтем и сдернул рогожу. В полу оказался люк закрытый крышкой с железным кольцом.

Это что? удивился становой. Куда у тебя, любезный, люк-то проделан?

В подполье...ваше...ввысокоблародие...

А что там хранится?

Там... в... ваше...значит... хлам разный навален... к примеру негодные, которые... кабатчик дрожал как в лихорадке, язык его заплетался.

Хлам, говоришь, ладно. Зажги-ка свечу.

Свеча была зажжена. Казак поднял крышку подполья. На второй ступени лестницы, ведущей в него, стояла знакомая нам кадочка и, рядом с ней, новая четвертная бутылка холерной настойки.

А-а... вот он, хлам-то! торжествовал становой. Казак, вынь!

Поличное³³ было вынуто и поставлено на стойку. В кадочке оказалось фунта два известной икры, только ещё более загрязненной землёй, камешками, щепками и т.п. Петруха был прав. Кабатчик, чтобы не терять добра, собрал, что можно было, с поверхности земли, отобрал более крупные примеси и снова пустил икру в продажу. Удивительно было, конечно, не то, что он это сделал, а то, что мужики решились есть эту протухшую, грязную мерзость.

Так напрасно на тебя наплели! Ах ты... и десница³⁴ станового заходила по кабатчиковым скулам. Он бросился в ноги.

Ваше бл...ваше происхождение, отец родной, не погубите! Ни в жисть не буду...

Парфёнов! - обратился становой к письмоводителю, составь акт - что и как найдено. Пока Парфёнов составлял акт, понятые, по приказанию станового, вырыли на дне оврага яму, аршина в полтора глубиною, бросили в неё кадочку с остатками икры, вылили настойку и, разбив бутылку, осколки бросили туда же, в заключение навалили в яму коровьего помёта, засыпали её землёй и утоптали.

Ну, теперь, чай не вытащишь? - обратился становой к кабатчику. Одевайся, анафема, запирай кабак и марш на становую квартиру!

Когда акт был готов, мы подписались под ним; за неграмотных понятых расписался письмоводитель и кабак был закрыт.

³³Поличное — вещественное доказательство, найденное у подозреваемого.

³⁴Десница — рука.

Расскажу последний эпизод из моей деятельности в описываемое время, едва не окончившийся трагически.

Во второй половине сентября, когда в Русских Юрткулях прекратились уже заболевания холерой, я получил предложение Земской Управы – отправиться в соседнюю деревню – Мордовские Юртуки, в которой появились заболевания холерой.

Я отправился туда утром и приехал часов в 11 дня. День был воскресный, ясный, солнечный, но необычайно холодный. Встретив какого-то крестьянина я спросил - где живёт полицейский сотник?

Да вы поезжайте в кабак, он теперь наверно там.

Мы отправились к кабаку. Из его открытых дверей и окон разносился гул пьяных голосов, очевидно потребителей было много. Я послал ямщика отыскать и вызвать ко мне сотника. Он что-то долго пробыл в кабаке, но наконец, явился в сопровождении сотника.

Я земский доктор; я получил из Земской Управы бумагу, что у вас есть больной холерой. Проводи меня к нему, обратился я к сотнику. Садись на облучек.

Сотник сел и мы поехали.

Вскоре моя пара остановилась около избы больного. Сотник соскочил с козел, указал мне калитку и исчез.

Маленькая, довольно ветхая, избушка стоял на углу улицы, двор был огорожен плетнем.

Войдя во двор, я увидел следующую картину. Посредине его стояла, снятая с передков телега, и на ней лежал голый человек, прикрытый каким-то неводом или бреднем, сквозь петли которого сверкало на солнце красное, как кумач, тело, покрытое крупными каплями пота. Около телеги стояла женщина и поила лежавшего человека чем-то из ковши.

Человек этот и был отыскиваемый мною больной, женщина оказалась его женой.

Из расспросов я узнал следующее. Первые припадки холеры у мужчины явились в этот же день на рассвете. Жена истопила баню, выпарила его, а затем, приведя в избу, уложила и тщательно окутала.

Припадки миновались³⁵; у больного осталась только сильная жажда, и он просил пить. Баба нацедила жбан холодного квасу, который больной выпил в несколько минут. Вскоре наступила сильнейшая рвота, и болезнь возобновилась в более жесткой степени, чем прежде. Баба прибегла к прежнему лечению, болезненные явления опять ослабли. Пролежав, после второй бани, несколько часов, больной начал жаловаться на сильный жар и потребовал, чтобы его вывели на двор. Это требование было исполнено всего за несколько минут до моего приезда.

Я распорядился перевести больного немедленно в избу, уложив его на лавку, прикрыл найденным в избе рядом и, дав бабе полбутылки красного вина, наказал давать его больному пить с водой. Всякое более энергичное лечение казалось мне излишним, так как холерные припадки прекратились уже несколько часов и у больного остались только сильная слабость и утомление, совершенно понятные после всего того, что привелось больному вынести.

Выйдя из избы во двор, я услышал гул голосов и увидал, через плетень, толпу народу на улице, около ворот. Быстро пройдя двор, я отворил калитку. Народ толпился вокруг моей тележки, оставив только узкий проход к ней от калитки. Большинство было, очевидно, сильно выпивши. При моем появлении говор утих.

Что вам братцы нужно? - обратился я к толпе.

Ты кто? - слышалось оттуда.

Я лекарь.

Ты пошто к нам приехал?

Да вот у вас человек есть больной холерой, так его посмотреть.

Ты к нам больше не езди!

Если не будет больных - не поеду.

Да и будет, так не езди!

Этого я не могу. На то я Земством и нанят, чтобы лечить больных.

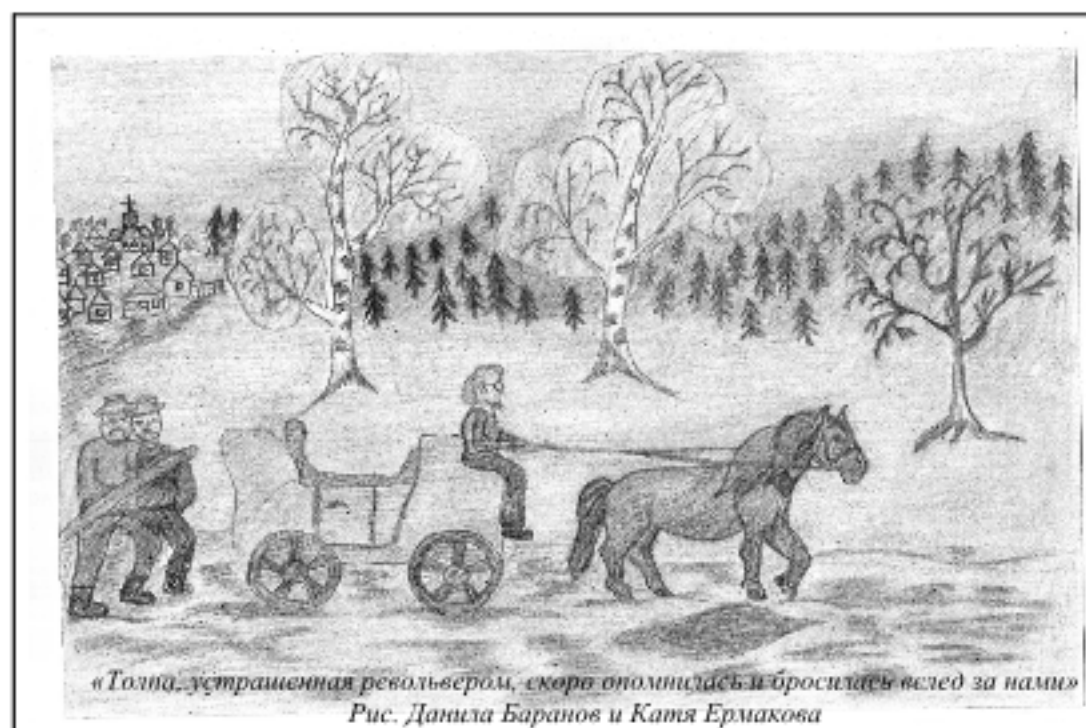
³⁵Миновались — прошли, завершились.

Да что ребята с ним разговаривать, в куль его, да в воду!...

Что? в воду? - крикнул я, вскочив на тележку и, вынув из кобура бывший со мной револьвер, направил его в сторону говорящего. - Попробуй, возьми! Убью как собаку каждого, кто только ко мне прикоснётся.

Этот решительный прием мгновенно подействовал на толпу – народ отхлынул от тележки. Я быстро перевёл револьвер в другую сторону.

Ну может быть из вас кто хочет попробовать?... - Произошло тоже самое: охотников брать меня не оказалось.

Скачи! - крикнул я ямщику, - а не то всажу пулю в спину!... Ямщик подобрал вожжи, ударил по лошадям, гаркнул, лошади рванулись и понесли.

Все это конечно произошло гораздо скорее, чем я рассказываю.

Толпа, уstraшенная револьвером, скоро опомнилась и бросилась вслед за нами со страшными криками и ругательствами, бросая захватываемые по дороге камни, палки и прочее. Но

испуганные этими криками лошади мчали во весь карьер и камни до нас не долетали.

Такая бешеная скачка продолжалась несколько верст. Наконец лошади стали уставать. Ямщик, зорко оглядевшись кругом, сдержал коней.

Деревня скрылась из наших глаз. Мы ехали полями, и только стук колёс нашей тележки нарушал общую тишину.

Тогда ямщик снял шляпу, размахисто перекрестился и, вздохнув во всю грудь, вымолвил: «Слава Те, Господи, ускакали! Ну, барин, хорошо, что доганулся³⁶ пристолетом их попужать, а то была бы беда неминучая!»

Да, слава Богу!... Только теперь я вполне сообразил какой опасности подвергался. В момент объяснения с толпой я её не сознавал, и действовал совершенно инстинктивно.

Из Мордовских Юрткуль я уехал в сельцо О³⁷. - имение моего доброго приятеля М.П.Э-ь, - теперь уже умершего.

Надобно сказать, что револьвер, сослуживший мне такую добрую службу, навязал мне этот приятель, в первый раз как я ехал от него в Русские Юрткули.

Когда я собирался ехать то не мог найти ремня, которым подпоясывался в дорогу. М.П. вынес из кабинета свой черкесский ремень, на котором висел кабур с револьвером, и подал мне. Я хотел снять револьвер, но М.П. удержал меня: «нет, нет, не снимаете, - в дороге может пригодиться».

А что у вас, в Спасском уезде, разбойники, что ли по дорогам завелись?

Нет, какие разбойники, а всё же... знаете... в пути лучше с оружием... могут волки напасть...

Что вы М.П., откуда же волки в начале августа?

Не говорите, бывают... послушайте меня - возьмите ведь револьвер вас не обременит. И, пожалуйста, без него никуда не ездите.

³⁶Доганулся — догадался.

³⁷Имеется в виду с. Отрада. Ныне — Спасский район Республики Татария.

Я взял, в уверенности, что по дорогам действительно пошаливают, но только мне не хотели говорить об этом.

Я приехал в О. к вечернему чаю. Пошли расспросы: что холера, откуда я? и пр.

Успокоив, что в Русских Юркулях эпидемия прекратилась, я затем сообщил о приключениях, бывшем со мной в Мордовских, и горячо поблагодарил М.П. за револьвер.

Вот то-то и есть, а вы не хотели его брать. Знаете ли, что сделали мужики с вашим предшественником, земским врачом, нынешней весной во время тифозной эпидемии?

Нет, не знаю, а что?

То, что им не удалось проделать с вами благодаря вашей находчивости и отчасти моему револьверу. Мужики бросили, действительно, врача в реку, когда по ней шел мелкий лёд. Доктор был хороший пловец и спасся – не утонул, но страшно простудился, схватил тиф и через две недели отдал Богу душу. Я не хотел вам говорить об этом, думая, что подобная история не повторится, так как крестьяне, зачинщики беспорядков, схвачены и сидят в остроге...

По полученным мною вскоре сведениям, больной в Мордовских Юрткулях, поправился. Дальше оставаться на земской службе мне было нельзя, я подал просьбу об увольнении и уехал в Казань.

История нынешней холерной эпидемии чрезвычайно поучительна во многих отношениях и, между прочим, по тем народным волнениям, которые разыгрались в низовых поволжских городах – Астрахани, Саратове, Царицыне и др., о которых мы упомянули выше.

Мы не будем разбирать, кто виноват в них – для этого ещё не наступило время, но не можем не обратить внимания на мотивы, которыми были вызваны эти беспорядки.

Такими мотивами, как было сказано, служили распространившиеся в народе слухи, что врачи отравляют питьевую воду, морят людей в больницах и даже хоронят их живыми.

Следует заметить, впрочем, что такие слухи возникали у нас при всякой сильной холерной эпидемии и не раз служили причиной народных волнений.

Так, в сентябрьской книжке «Русской Старины» за 1892 год помещены рассказы двух очевидцев о знаменитом холерном бунте в Петербурге летом 1831 года.

Один из них, Л.М.Савёлов, в письме своем от 4 июля сообщает следующее: «и к нам (в Петербург) пожаловала гостья (холера) и не одна, а с таким прибавочком, который весь город привёл в трепет, чернь взбунтовала и в предубеждений, что холеры не существует, но что полиция хватает на улицах людей здоровых и их в больницах отравляют ядом и даже кладут живыми в гроба, кинулась на госпитали и их разорила, больных выпустила и многих лекарей убила до смерти, и это происходило в одно время во всех концах города, на Сенной, в Ямской, у Рождества, на Выборгской стороне и на Васильевском острове.

На другой день приехал Государь из Петергофа и народ усмирил; но на другой день его посещения сцена переменилась; когда уже все больницы были разрушены, а смертность увеличилась, то народ вздумал, что его отравляют ядом поляки, начали их хватать на улицах, подозревая, что они отравляют все съестные припасы, квас и даже воду».

Другой очевидец того же события рассказывает следующее: «простой народ, по темноте своей, не знаю происхождения холеры, думал сначала, что это какая-нибудь заграничная знаменитость, прибывшая в Петербург потешать публику и обирать русские денежки, на которые немцы так падки; но когда заметил, что жертвами её становится более простой народ, не поверил на слово о холере и, прислушиваясь к договору неблагонамеренных личностей, задумавших произвести беспорядок, или, как говорится, половить рыбу в мутной воде, запел другую песню, вроде той, что нет никакой холеры, что народ умирает от отравы, которую подливают и подсыпают, то в воду, то в растения на огородах и разуверить в этом было не легко. Это я сам испытал на своей прислуге, с которою ничего не смог сделать. Никакие убеждения не помогли мне образумить её.

Простой народ начал останавливать холерные кареты с больными и вытаскивая из них больных, уносил их по домам и тем ещё больше распространял заразу. Он останавливал на улицах лиц, казавшихся ему подозрительными, обыскивал их карманы – и Боже сохрани, если находил бутылочки с жидкостью или порошки.

Сначала производил он с ним кулачную расправу, а потом, связавши руки, тащил в полицейское управление и сдавал его как отравителя пойманного с поличным. Конечно, по осмотру медиком этой мнимой отравы, она оказывалась лекарством, прописанным противу холерных симптомов и эти личности тотчас же были освобождаемы».

Таким образом, уже во время первой холеры, в Петербурге, народ говорил и действовал точно также как нынешним летом в Астрахани и Саратове.

Во время жестокой холерной эпидемии 1848 года в Нижнем Новгороде, как мне рассказывали очевидцы этой эпидемии, мои родственники, врачи утверждали, что болезнь была завезена персиянами, приезжавшими на ярмарку с товаром, простой же народ был убеждён, что его отравляют. У меня записан целый ряд интересных рассказов об этой эпидемии, приведу здесь один из них.

Муж моей тётки, чиновник, возвращался вечером домой со службы, неся с собою запас бумаги, перьев и бутылку чернил.

В одной из глухих улиц ему встретилась пьяная ватага разных оборванцев, которая чуть не убила его, заподозрив, что он несёт в бутылке отраву. Чтобы разубедить толпу несчастный должен был выпить, по её приказанию, около половины содержимого бутылки. Когда после такого решительного опыта дядя, в противность ожиданиям толпы, не упал тут же, мгновенно, на месте и не умер, – она великодушно отпустила его домой. Но опыт всё же не прошел даром. По словам тётки, она едва отходила мужа, затем у него развилось жестокое воспаление желудка, следы которого остались на всю последующую жизнь.

Меня в 1866-м году, как помнит читатель, юрткульцы подозревали что я «подкуплен помещиками пущать холеру».

Ныне, когда почти всякие обязательные отношения между помещиками и крестьянами миновались, такое объяснение причины эпидемии было бы, конечно, нелепо. Явились другие. О появлении холеры в Казани ходили целый ряд нелепых слухов. Говорили, например, что англичане, намереваясь объявить войну России и желая обессилить её, подкупали докторов, чтобы они морили русский народ. На самом деле холеры не было, а доктора отравляли воду, чтобы уменьшить население России. Врачи, по этой версии,

являлись мздоимцами, действующими на основании подкупа Англии. Но были и другие рассказы, настолько же бессмысленные, как и первый.

Так, в июле месяце на дачу, на которой проживали мои знакомые Б., верстак в семи от Казани, явился из неё какая-то старуха, родственница прислуги Б. Она пришла на дачу, прося позволения пожить здесь некоторое время, так как в городе оставаться «опасно – докторам приказано народ морить».

Да кто же это приказал? допрашивал г-жа Б. старуху.

Начальство, матушка, начальство. На всех углах об этом приказы расклеены – сама видела.

Да что ты, голубушка, вздор какой мелешь - разве можно такой приказ издать, чтобы людей морить! Да и кто-же бы его послушал? Ведь доктора-то не разбойники с большой дороги.

Зачем, матушка, разбойники, а их дело подневольное, - приказано морить, ну и морят...

На чем же, однако, основываются эти «нелепые слухи» и так ли они действительно нелепы и бессмысленны как думают?

Нет, не подлежит сомнению, что в основе их лежат действительные факты, нелепость же заключается лишь в объяснении последних.

В самом деле, возможность отравления (вернее - заражения) различных водовместилищ, каковы: колодцы, пруды, озёра, речки, холерным ядом – холерной запятой, в настоящее время не подлежит сомнению. Сам Кох, ещё в 1884-м году, нашел запятовидные бациллы в воде одного одного танка (пруда) в Индии, по берегам которого свирепствовала холера и в котором жители мыли свое белье и брали воду для питья. Далее, известно, что холерные запятые, быстро погибая при высыхании, могут долгое время сохраняться во влажных средах. В воде, как показали тщательные исследования, они могут жить более двух месяцев. И так, возможность заражения холерным ядом питьевой воды и распространение болезни этим путём, должна считаться доказанной. Вопрос лишь в том: каким образом происходит заражение воды? И этот вопрос, в настоящее время, может считаться вполне выясненным. Заражение воды происходит вследствие проникания в

неё возбудителей болезни- холерных запятых. Проникание это может совершаться двумя путями – посредственно и непосредственно. Посредственно вода может заражаться через почву, на которую выливаются извержения больных холерою, содержащие нередко огромное количество болезнетворных организмов. Отсюда организмы эти могут проникать в колодцы, пруды, озёра и пр., с дождевыми или почвенными водами. Непосредственное заражение водовместилищ происходит при вымывании в них загрязненного запятыми белья, посуды и пр. Таким образом, виновником заражения воды является, несомненно, само население.

Не будучи знаком с природой холерного яда, условиями его развития и распространения, народ объяснял дело по своему – воду отравляли то немцы, то поляки, то доктора подкупленные помещиками, то англичане.

Ненависть народа к больницам имела тоже свое историческое основание. С этим согласиться всякий, кому известна внутренняя жизнь наших больниц, каких-нибудь 25 – 30 лет назад.

Уже один внешний вид этих мрачных, каменных зданий, напоминавших скорее тюрьму, казарму, чем лечебницу, дом Божий (Hothel Dieu), производил угнетающее впечатление. Человек, имевший несчастье попасть в такую больницу, даже горожанин, сразу переносился в совершенно новые и весьма тягостные условия существования. Ещё хуже должен был чувствовать себя крестьянин, который, как говорил Н.И. Пирогов: «не привыкши жить в таких больших, пространных зданиях и лежа с чужими, чувствовал себя как рыба, попавшая прямо из воды на кухню, в совершенно другом элементе».

Но резкое изменение привычной обстановки и условий жизни составляло далеко не единственное и даже не главное зло больничного лечения. Попавший в больницу подвергался ещё целому ряду крайне опасных случайностей, не предвидеть, не предотвратить которые он не был в состоянии. Наиболее опасная из них, указанная тем же Пироговым, заключалась в т.н. «госпитальной конституции». Под этим названием следует разуметь целый ряд неблагоприятных условий, специфически свойственных больничной жизни, благодаря которым многие больницы становились гнёздами и рассадниками опаснейших зараз, вроде госпитального антонова

огня, рожи, чахотки, гнойного заражения крови и т.п. Поступив в больницу, пациент, с какой-нибудь ничтожной ногтеедой, язвой, простудным кашлем, заражался здесь одной из перечисленных болезней и погибал от неё, после более или менее продолжительных мучений. Если ко всему этому прибавить нередко чрезмерно густоту больничного населения, отвратительный, зловонный воздух, плохую, недостаточную пищу, грубую, пьяную прислугу, то будет понятно какие ужасные условия ожидали людей поступавших в больницы.

Не подлежит сомнению, что в последние десятилетия описанный нами тип больниц исчезает все более и более. Не только в столицах и многих губернских городах, но даже в некоторых уездных, построены теперь новые «барачные больницы», приближающиеся к типу обыкновенных, деревянных, обывательских домов, с различными, выработанными наукой, усовершенствованиями по части отопления, проветривания, дезинфекции и пр. Немало есть уже врачей, которые, хорошо понимая важное влияние обстановки, окружающей больного, на ход лечения, стараются придать самым больничным палатам вид жилых комнат, украшая их картинами, цветами и т.п. Несомненно также, что уход и присмотр за больными теперь без сравнений лучше прежних, особенно там, где это дело поручено сестрам милосердия и фельдшерицам. Доказательством сказанного служит уже то, что большинство молодых больничных врачей не имеет и понятия о тех ужасных внутрибольничных эпидемиях, от которых в наше время гибли сотни больных.

Но всё это известно нам, врачам, да разве некоторой части интеллигентной публики, народу же вовсе не известно и у него с идеей о больнице доселе связывается представление о какой-то ужасной морильне, на дверях которой начертано: «оставь всякую надежду, входящий!».

Это заблуждение, во времена холерных эпидемии, поддерживается ещё тем, что большинство больных, поступающих в больницы, по крайней мере в периоды высшего развития болезни действительно умирает в них. Народ не знал и не знает, что азиатская холера принадлежит к числу таких болезней, которые сами по себе дают нередко ужасающую смертность (до 70% и более). Он видел только эту смертность и обвинял в ней больницы.

Наконец и толки о погребении людей живыми имеют свои основания.

В самом деле, точные научные исследования обнаружили следующие факты: 1) что трупы людей, умерших от холеры в течение известного времени представляются тёплыми (вследствие посмертного повышения температуры) и долго сохраняются без разложения. Таким образом, в этих трупах могут долго не замечаться обычные признаки смерти – охлаждение и гниение тела. 2) на холерных трупах, далее, нередко наблюдаются посмертные сокращения различных мышц, вследствие которых не только отдельные члены, но и весь труп, могут изменять свое положение. Такие посмертные движения, не говоря уж об ужасающем впечатлении, которое должен он производить на несведущих людей, могут подать основательный повод к сомнению в действительности смерти данного лица.

Легко представить себе какое впечатление на окружающих должен был производить, например труп, открывавший и закрывший рот. (Наблюдение д-ра Barlow).

Известный профессор Eichorst сообщил следующий случай из своей практики. Во время эпидемии в Königsberg он лечил от холеры одного железнодорожного чиновника. Случай кончился смертью, которая была несомненно констатирована профессором. Через три часа к нему прибежала дочь покойного с заявлением, что отец её ожил. Eichorst поспешил к умершему и был поражен удивлением при виде его – рука трупа явственно сгибалась, а пальцы совершали быстрые движения как при игре на фортепьяно (оба случая цитированы в Real Encyclopedie der gesammten Heilkunde, Eulenburq, 2 Aufl Bd IV S 244)

Из вышесказанного следует, что в холерное время возможно погребения: 1) действительно умерших, но у которых существуют мнимые признаки жизни.

Итак: прошло слишком 60 лет со времени первого появления холеры в России. Народ пережил за это время целый ряд холерных эпидемии; в условиях его быта произошли радикальные перемены, – он стал свободным, в среде его широко распространяется грамотность и рациональная медицинская помощь, но взгляды его на происхождение и распространение холеры, на роль при ней врачей и больниц, в сущности, не изменились. Ну что ещё замечательнее:

рядом с полным недоверием к врачам и научной медицине вообще, при холере, народ охотно обращается к ним при целой массе других, даже эпидемических заболеваний, помимо своих ведунов и знахарок, вера в которых, несомненно, все более падает.

Как же объяснить эти странные противоречия? Объяснять их исключительно неразвитостью и консерватизмом народной массы очевидно невозможно. По нашему мнению причиной того упорства, с которым народ держится своих воззрений в данном случае заключается в том, что в основе этих воззрений лежат несомненные факты, к сожалению только они получили в представлениях массы ложные объяснения.

Поэтому, нам думается, что в интересах истины и общественного спокойствия следует не замалчивать эти факты, а напротив – открыто и громко говорить о них, вооружаясь лишь возможными средствами, против умышленного или не умышленного их искажения и ложных объяснений.

Попытки объяснить народу сущность болезни, условия её распространения, способы заражения и борьбы с нею, возобновляются при каждой новой эпидемии, в виде различных «наставлений», «правил», «брошюр о холере», но чтобы попытки эти достигали своих целей – весьма сомнительно.

Мы придаём очень большое значение популяризации медицинских знаний вообще и в особенности в эпидемическое время, когда население с большей чуткостью относится к вопросам общественного здравоохранения. Брошюры о холере и способах борьбы с нею, раз они умело составлены и толково изложены, несомненно, приносят огромную пользу, но лишь известной части населения.

Для того чтобы читать и правильно понимать даже так называемые «популярные» медицинские статьи, нужно иметь известную подготовку и, между прочим, необходимо быть знакомому с общеупотребительными медицинскими терминами. Поэтому, огромное большинство даже лучших брошюр о холере является доступным пониманию лишь известной части интеллигентного, преимущественно городского, населения. Народная же масса или вовсе не читает этих брошюр или не понимает, как должно, прочитанного.

Нет, чтобы разрушить те прискорбные заблуждения, которые коренятся в народных воззрениях на холеру, нужны не брошюры, не печатные наставления с иностранными терминами, а живое, убедительное и понятное народу, слово.

Наилучшим средством для распространения в народе здоровых медицинских понятий и целесообразных способов борьбы с одолевающими его болезнями, по нашему глубокому убеждению, было бы возможно широкое распространение сельских участковых санитарных попечительств, по подобию тех продовольственных попечительств, которые сослужили такую огромную пользу в деле борьбы с последним голодом.

В состав сельских санитарных попечительств, кроме земских начальников, как председателей их, должны входить: все врачи, священники, учителя и учительницы народных училищ, проживающие в районе попечительства, затем волостные старшины, выборные от крестьянских обществ, местные помещики и другие лица, могущие принести пользу делу, по выбору попечительств.

Такой орган, составленный из людей близко стоящих к данному населению пользующихся его доверием, знакомых с условиями его быта, нуждами, воззрениями, предрассудками, вернее и скорее всякого другого мог бы провести в народное сознание здоровые медицинские идеи, научить способам борьбы с эпидемиями, разъяснить господствующие заблуждения и прочее. Эта просветительская деятельность попечительств, в значительной мере, облегчилась бы тем обстоятельством, что в их руках находились бы такие могучие орудия воздействия на массы, как церковная проповедь, народная школа и медицинская помощь населению.

Холерная эпидемия в России ещё не кончилась. Весьма вероятно, судя по опытам прежних эпидемии, что она, стихнув зимой, вновь возгорится будущим летом. Таким образом, мы имеем в своем распоряжении около полугода спокойного времени. Этим временем необходимо воспользоваться, чтобы подготовить все средства для предотвращения или, по крайней мере, ослабления новой угрожающей нам опасности.

Правительство наше в нынешнюю холеру оказалась вполне на высоте своей задачи. «Наставления от Медицинского Департамента о мерах борьбы с холерою», надолго останется образом санитарно-законодательных актов в эпидемическое время.

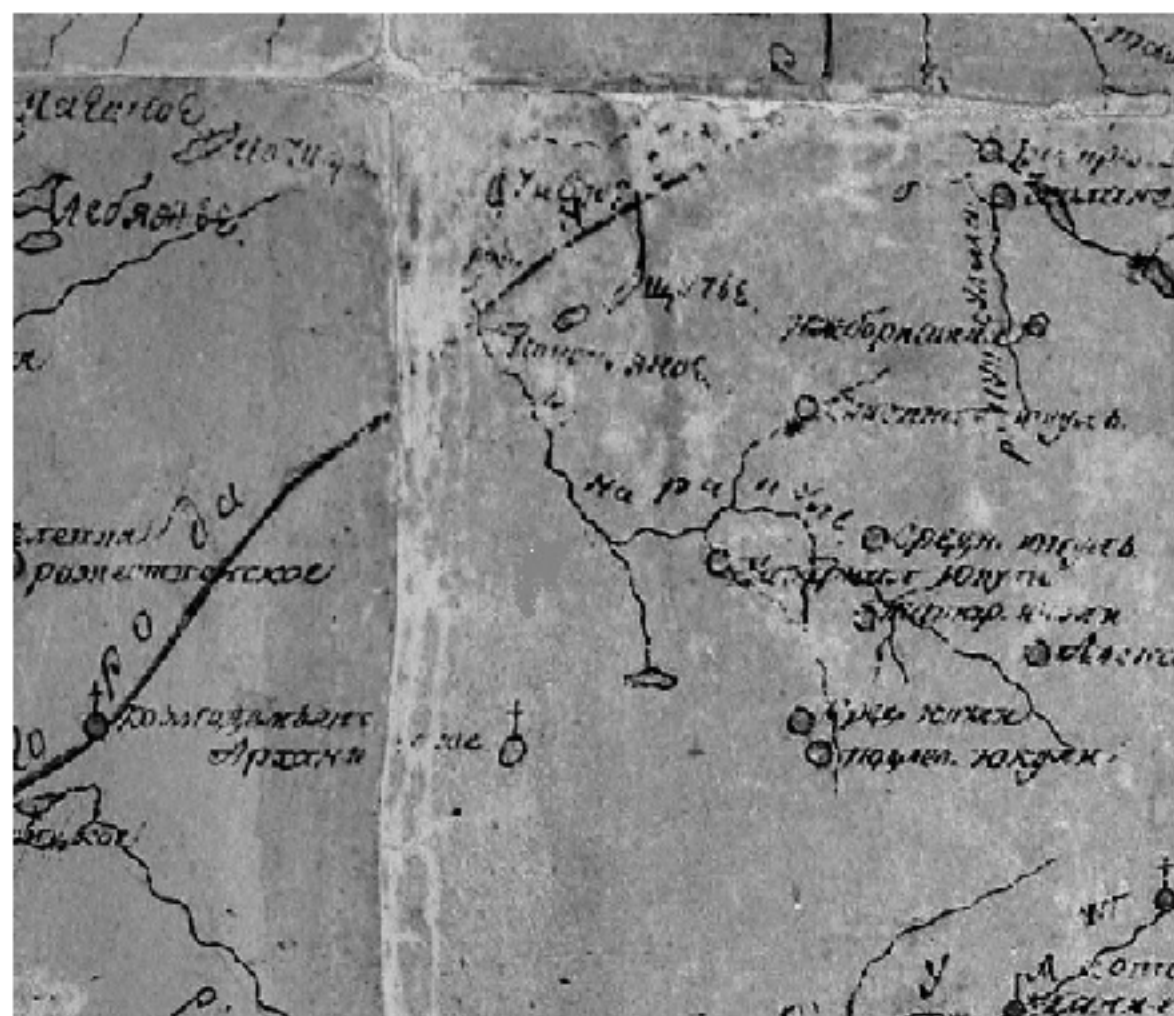
Основанное на строго научных данных, «Наставление», начертав широкий, общий план борьбы с холерой, привлекло к этой борьбе не только администрацию, органы земского и городского самоуправления, но и самое городское население. Рядом с исполнительными санитарными комиссиями, снабженными широкими полномочиями, учреждены городские санитарные попечительства в состав которых могли входить, и входили действительно все классы городского населения. Руководствуясь «Наставлением», комиссии подвергли всестороннему исследованию вопрос об оздоровлении городов и произвели целый ряд санитарных улучшений, причём деятельными помощниками им являлись санитарные попечители и полиция.

Результаты деятельности этих временных санитарных органов пока ещё не приведены в полную известность, но уже и того, что мы знаем о них, из текущей прессы, достаточно, чтобы заключить, что результаты эти были очень обширны и плодотворны. Не боясь упрёка в преувеличении, можно сказать, что в течение нескольких месяцев минувшего лета, сделано для санитарного улучшения во многих городах более чем в последние 20 лет спокойного времени и, несомненно, что только благодаря этим улучшениям холера, быстро распространившаяся почти по всей России, унесла сравнительно небольшое количество жертв.

Но, учреждая образцовые организации борьбы с холерой в городах «Наставление» не давало никаких руководящих указаний относительно сёл и деревень в которых, понятно, городские порядки далеко не всегда применимы. Вследствие этого борьба с эпидемией в селениях носила совершенно случайный характер: сведения о появлении болезни в той или другой деревне далеко не всегда своевременно доходили до подлежащей власти, необходимый санитарный надзор над пораженными местностями нередко совершенно отсутствовал, да и сама медицинская помощь заболевшим часто была неудовлетворительна.

Ввиду вышеизложенного, правительству, при обсуждении мер борьбы с холерой, первее всего необходимо было бы заняться вопросом об организации этой борьбы в селениях.

Учреждением участковых сельских санитарных попечительств, по нашему глубокому убеждению, была бы положена надлежащая основа такой организации.

Карта села Русский Юрткуль (Архангельское) и его окрестностей 1796 года.

На местности указана река Нараткуль.